

25 Dubna 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

79

25-го апреля 1931 г. 25-го квітня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

Ю. Пигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *И. М. Назаров*: В моей стране. (V mé vlastí).
2. *Гарун Дальвей-Бей*: Карапчил. (Ukradl).
3. *Петр Закрепа*: *** Стих. (Verše).
4. *Константин Поляков*: Борьба за степь. (Válka pro step).

5. Печальная годовщина. (Smutné výročí).
6. *П. И. Кокунько*: Наше прошлое. (Naše minulé).
7. *П. Кудинов*: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstaní Vrchné-Doncov r. 1919).
8. *А. Ленивов*: „Персидский бунт" Черноморских казаков. („Perské povstaní" Černomořských kozáků).
9. *И. С. Константинов*: Таежный поход. (Tažení tajgou).
10. Казачьи настроения 1917-18 года в изображении советского писателя. (Nalada kozáků v 1917-18 r. podle sovětského spisovatele).
11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
12. Политика на „Place Nationale". (Politika na „Place Nationale").
13. Поздравления редакции „В. К." с праздником Св. Пасхи. (Velikonoční pozdravy).
14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
15. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Германия. — А. Т. — Будет исполнено. Привет.

Югославия. — Д. П. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Италия. — Н. П. — Получено. Будет напечатано.

Белград. — В. К. — Получено. Предыдущее письмо не получено. Привет.

Злин. — В. О. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Франция. — Е. Б. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Харбин. — П. К. — Получено. Исполнено. Привет.

Румыния. — Т. В. — Исполнено. Привет.

Франция. — Д. В. — Получено. Привет.

Болгария. — Т. Л. — Получено. Ответ будет письмом. Привет.

Бразилия. — С. С. — Добре. Вітаємо.

Чикаго. — С. С. — Получено. Журнал посылается. Привет.

Югославия — К. Ш. — Получено. Спасибо за отказ от гонорара. Привет.

Ваньов. — П. Я. — Получено. Привет.

Нью-Йорк. — В. Т. — Получено. Спасибо. Привет.

Клевеланд. — Т. К. — Будет напечатано. Привет.

Лион. — А. Л. — Будет исполнено. Привет.

Франция. — И. С. — Исполнено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скоплье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B." Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо - Киро, 52.

Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 79 *Суббота, 25 апреля, 1931 — Субота, 25 квітня, 1931.* *№ 79*

И. М. Назаров. (*Княжевац*).

В МОЕЙ СТРАНЕ.

В моей стране нет ни лесов ни гор.
Разбег равнин уходит в даль и в страны.
Там всюду степь и без конца простор,
И в нем царят Мамаевы курганы.
Среди степей, как стаи стрепетов,
Раскинулись придонские станицы;
Их сторожат дозоры хуторов
От стай голодной, красной птицы.
Их стан бойцов недвижен и молчит,
В нем не звучит призыв к борьбе и бою,
Но ненависть к врагам сокрыто в сердце спит
И месть кипит под огненной злобою...
По степи в табунах пасутся степняки —
И кони ржут, и ждут они в надежде,
Что зазвучит труба призывная, как прежде,
И ринутся они на русские штыки.
Не слышно песен там, там песни не поют,
Не молятся в церквах за раннею обедней,
Но тайно матери-казачки создают
Сказанья о войне кровавой и последней.
Там лица девушек печальны и темны,
Как лица плачущих по воле дикой степи,
Но ждут оне кого то из страны
Неведомой, кто раскует их цепи.
В моей стране закон и дух завета в нем:
Кто любит степь, отчизну и свободу,
Тот должен в дар казачьему народу
И голову сложить в степи под ковылем.

22-2-31 г.

Гарун Дальвей-Бей. *(Югославия).*

Карапчил.

(Этюд).

Тихая полная луна медленно катилась по голубому безоблачному простору. Вся легкая и лучистая, слегка цепляясь за ветви деревь, скользя по белым и лиловатым стенам притихших жилищ и, лукаво заглядывая в окна, она, наконец, добралась до своего излюбленного места и здесь, точно желая отдохнуть, присела на перекладиие темного старого креста какой-то древней колокольни.

Коварная улыбка играла на ее лице...

Узкие, как у монгола глаза ее, хитро и плутовато щурились, широкий рот был безгранично растянут, а изжелто-зеленоватые, округлые скулы, казалось, вздрагивали от душившего ее смеха. Луна смеялась, луна дико и беззвучно хохотала...

— Нет не уйдет!.. Никто не уйдет!.. будто говорили ее, растянутые смехом, бескровные губы...

И, бросая полные любопытства и вожделения взгляды на притворно уснувшую землю, она внимательно прислушивалась к ее тайным земным шопотам, к ее тихим придушенным голосам и вздохам, чутко ловя своим ухом тягучие жаркие поцелуи, страстные и отрывистые речи, и, полные истомного огня, непроизнесенные слова признания... И, прислушиваясь и озираясь вокруг, она была счастлива...

Отсюда было все видно: и роскошные дворцы, и богатые виллы, и тихие скиты уединенных монастырей, и широкие поместья с глухими парками, и далекие станицы с хуторами в степях и все-все далеко вокруг, весь необ'ятный простор, вся безграничная далекая земная ширь.

И, довольная этим, она недвижно сидела на своем излюбленном месте, высоко, высоко над всем миром. Сидела и, беззвучно смеясь, следила своими хитрыми монгольскими глазами за грешными душами своих детей-лунатиков, не давая им спать, томя их сердца и тревожа, и нагревая их и без того горячую кровь. И оттого то и стукнула тихо щеколда...

И еще тише, едва слышно растворилась, скрипнув, дверь. На ее пороге вся в белом, в одной только сорочке, с распущенными золотистыми косами, придерживая руками трепетную девичью грудь и робко оглядываясь по сторонам, показалась Настя, дочь хуторского богатея — Мирона Клюева. Девушка нерешительно сделала несколько шагов и, остановившись, прислушалась... Кругом было безмолвно... Хутора спали... Только там, со стороны реки, где дремали старые ветлы, да темнела густая поросль камышей, немолчно и голосисто кричали лягушки... По временам оттуда же доносились надрывные и сладостные стоны одинокой выпи, а в лугах призывно кричал и дергал коростель.

Постояв так с минуту, она снова оглянулась, потом подняла голову и посмотрела своими большими синими глазами в зеленое лицо луны...

Луна смеялась... Приветной улыбкой скользнула она

по густым ресницам девушки, беззвучно и нежно поцеловала в полуоткрытые и алые уста ее, и, упав на обнаженные округлые плечи, сползла к ее босым ногам.

Тогда Настя вздрогнула всем горячим молодым телом, глубоким вздохом подняла свою высокую упругую грудь, и, поправив сползшую рубашку, теперь уже быстро и решительно побежала вперед... Скользя между теней и светом, она пробежала двор, шмыгнула за старый бурый овин, прошла мимо коровника и, минуя потом пустое гумно, наконец пропала как белое воздушное облачко, растворившись бесследно в густом молочном мареве цветущего сада...

Страстно и точно наперебой, не смолкая, плакали в нем соловьи... Притаив дыхание, слушал их белый сад... Нежные и тонкие запахи цветущих яблонь, сладко мешались с медовым угаром Клюевских пасек, с горьковато-пряным духом росных трав и, подымаясь одуряющей и дразнящей волной над этим местом, они медленно, но высоко и плавно, восходили к небу.

Бледно-зеленоватые звездочки светляков плавали в этом пахучем тумане... Бесшумно пархали крылатые виденья — ночные бабочки, и изредка, сердито жужжа, проносился хрущ.

Молодой рослый парень, лесной об'ездчик — Гирей Обдалов стоял с конем у плетня Клюевскаго сада. Он поджидал Настю и в нетерпении кусал свой тонкий черный ус. Смуглое лицо его, с орлиным профилем теперь в лунном свете казалось бледным...

— Неужто спугалась?.. Нет, ежели — любит — не побоится, придет, непременно придет...

Он напряженно всматривался своими большими черными глазами в душистую мглу сада.

Но вот где-то близко хрустнула ветка, чьи то шаги, наростая, зашумели по влажной от росы траве. Конь насторожился, фыркнул, запрядал ушами и звякнул уздою. Тогда Гирей Обдалов, инстинктивно, подтянул на плечах в косматом чехле винтовку, подвернул полы бурки и, крепко обжав рукоять кинжала, ближе подвинулся к коню... Подобно белому видению показался силуэт Насти. Она еще издали приметила его — своего соколика и теперь проворней прежнего, забывая осторожность, побежала к нему. Легко прыгнув на тын, она все же не успела коснуться его ногами... Ловким и быстрым движением поймал он ее своими сильными руками и на весу бешенно и алчно привлек к себе... И Настя захмелела... Кругом пошла ее голова, сильно бьющееся до того сердце, теперь вдруг точно оборвалось и упало. Девушка сразу как бы обмякла, бессильно повисла на его шее и, словно опьяненная дурманным зельем охватившей ее страсти, вдруг вся притихла, покорилась и стала недвижной.

По-воровски, сторожко огляделся молодой об'ездчик... Жадно загорелись его черные большие глаза, и огонек могучего хищника на мгновение блестнул в них, когда он плотоядным взором своим остановился на безвольном теле своей пленницы. Тонкие губы его слегка дрогнули, белые, как снег, зубы зло и радостно скрипнули.

Одной рукой все также держа девушку на весу, он другой поймал коня за повод:

— Ну, а теперь — хайда!.. — бросил он неизвестно кому, не то Насте, не то нетерпеливо горячащемуся своему скакуну. И гортанный, слегка хриплый голос Гирея прозвучал как то властно и радостно.

Жестокая гордость и ни кому не покоряющаяся сила свободы казалось была влита в этом коротком и гортанном „хайда". Но от этого очнулась девушка... И когда уже пришла в себя, то в страхе все поняла:

— Куда ты, что ты делаешь?.. — в ужасе, чуть слышно, прошептали ее холодеющие губы: — Ты хочешь меня увести? как ты смеешь, ведь я только пришла повидать тебя, ведь ты — нехристь, басурманин...

Гирей молчал. Только тонкие губы его, по хищному беззвучно смеялись, и, проворно схватив за гриву коня, он быстро нашел ногою стремя и одним прыжком, точно пружина оттолкнувшись от земли, мягко и легко сел в седло.

— Я буду кричать... вдруг со стоном, но все так же безвольно шопотом вырвалось у Насти...

Обдалов остро и властно вскинул глазами на девушку. Их взоры встретились. Лучистые очи пленницы не выдержали. Крупные слезы медленно вытекли из под темных затуманенных печалью ресниц и тихо скатились на волосатую крепкую руку об'ездчика. И от этих слез что-то непонятное и до боли неведомое шевельнулось вдруг в душе Обдалова, в его непревыкшем и не умеющем жалеть сердце. И уже и сам не зная как, он тихо сказал:

— Ну, не нужно кричать... ты — моя будешь...

И в этих простых и будто недоговоренных словах почудилось Насте не то глубокая печаль о возможной утрате счастья, не то нежная умоляющая ласка, или что-то еще, совсем для нее непонятное, но что-то дорогое и сильно любимое. И она тогда, точно забыв про все, крепко-крепко обвила белыми полными руками его шею, тесно и доверчиво, как ребенок, вся прижалась к нему и, точно в счастливой истоме, закрыла свои большие, как крылья, темные ресницы... На мгновение Гирей как бы замер, прислушиваясь. Кругом все молчало. Тогда поспешно подобрал он поводья, бережно положил перед собой на колени девушку и, покрыв ее полами бурки, тронул ногами бока своего скакуна. Конь вздрогнул всем телом, бросил назад ушами, лязгнул звонко подковой и, как стрела, пошел прочь от плетня к мглистой дали, уходя в сторону от ровной белесой дороги, куда-то через яры и косогоры, куда-то к синеющей гряде далекаго леса... Свистел и пел воздух... Зерна и комья сухой земли вместе с вырваной влажной травой неслись всторону. Низко припав к луке, и покрыв собой свою драгоценную ношу, уходил лесной об'ездчик в свои владения...

Его конь летел как птица... Весь вытянувшись, подобно черной ленте, стелясь как дым по земле, шел он легкий и упругий как ветер, унося своего господина... Клочья белой пены падали с его изсиня вороного лоснящегося крупа, рвались и неслись по сторонам.

И только когда замаячили первые кусты перелесков, да стройный осинник зачастил по сторонам, добрый конь почуял, что можно передохнуть, и пошел шагом.

Его хозяин — лесной об'ездчик Гирей Обдалов бросил тогда поводья и нежно и заботливо наклонился над своей пленницей... Ласково и жарко целовал он ее в знойные уста, что то говорил ей тихое и доброе.

И пленница, слушая его, вздрагивала своими крылатыми ресницами, и всякий раз открывала свои синие, как море, глаза... Любовь и счастливая печаль светилась в них...

А луна смеялась... А луна беззвучно хохотала...

И где то далеко, далеко уже кричали петухи...

Петр Закрепа. (*Швейцария*).

* * *

Уйду во тьму без сил, непонятым... ненужным...
И мне ль моей мечтой пробить стальную грань,
Когда горит в крови тоска огнем недужным,
И смерти рабски я отдал слепую дань?!.

Недолгий век прожил... И мир окружный тесен, —
Ушедший давит день, как нежеланный сон,
И слышу смутно я в мотивах буйных песен —
Безумный смех в печали похорон...

Нет, то был жалкий миг болезненный, бессильный...
Ведь манит вдаль меня к концу степных дорог...
И Край мой, Край молчит, и Бог покров могильный
Без светлых, нужных жертв совлечь с степи не смог.

Константин Поляков.
(*Прага*).

БОРЬБА ЗА СТЕПЬ.

Разметалася степь от Карпат до Урала,
С окоемом безбрежным слилася она,
На груди своей мощной всех тех воспитала,
Кому воля с рождения с кровью дана.

Было время, просторы твои оглашались
Звоном сабель чьих то кривых,
То богатств и раздолий твоих добивались,
И одни вытесняли на запад других...

Но на место их новые вновь приходили,
Снова спор разрешала звенящая сталь
И из рек твоих витязи коней поили,
Побежденные шли в неизвестную даль.

Словно вихрь, степовую траву приминая,
По груди твоей гунны прошли
И у Рима, в потоках крови утопая,
Своей славы кончину нашли.

А с востока все новые орды стремились,
Словно бурный людской водопад,
Но и эти в тумане на западе скрылись...
Только эхо раздалось в ущельях Карпат.

А когда пыль легла на траве твоей сочной
От коней вдаль ушедших на запад авар,
На груди твоей пышной, как будто и прочно,
Основались селенья богатых хозар.

Но не долго здесь были кочевники эти...
Степь, ждала ты все тех, кто бы мог,
Как свободы и воли послушные дети,
Защищать твой степовый порог.

И... дождалась. От стрел чьих то свиста
Мчался вспуганный, быстрый сайгак...
То пришел охранять и любить бескорыстно
Тебя предок наш — бродник-казак.

И сейчас же начал он борьбу без пощады
За тебя, так как с севера шли,
В блеске стали, удельных князей отряды
И оковы неволи с собою несли.

Но с тех мест, пред Буддой где все клонится,
Уже слышался топот глухой —
Чингис-ханова легкая конница
В том бою стала, предок, с тобой.

И с тех пор каждый в книге читает,
Что на Калке союзный отряд
Русских в битве, как вихрь развевая,
Смял и бросил на север назад...

После битвы они танцевали,
Из князей мертвых сделав ковер,
Чтоб потомки их русские знали,
Как заковывать в цепи простор.

С того дня и до нашего времени,
Оросив кровью алой свой путь,
От оружия русского племени,
Степь, казак боронит твою грудь.

Но становятся прошлыми годы
И волнует грядущая новь,
Слабнут цепи, встают уж народы
И огнем загорается кровь.

И теперь, как в той битве на Калке,
(Это предков крови властный крик.)
За тебя, степь, и старый и малый
Стали рядом — казак и калмык!

Печальная годовщина.

Весна 1920 года — гибель казачьих стремлений одинадцать лет тому назад. Весна 1920 года — катастрофа первого периода казачьей государственности, восстановленной после двухвекового перерыва.

Казачья катастрофа 1920 года произошла не только под давлением внешней силы красных завоевателей, но в не меньшей мере и благодаря неудачной, не отвечающей казачьим интересам политике той части казачества, которая тянула тогда в сторону русской контрреволюции. Эта тяга и была гибелью тогдашних надежд другой части казачества, которая, воспользовавшись русской революцией, хотела всерьез строить здание собственной казачьей государственности.

Одинадцать лет тому назад потерпели поражение приверженцы былой Единой-Неделимой и Казачество, которое к этим представителям старой России усиленно тянули сторонники их среди казаков, упало под обломками дела Деникина-Богаевского-Филимонова.

Спор между двумя группировками — представителями двух решений казачьего вопроса продолжается и заграницей. Представители той части казачества, домогания которых погубили казачьи 1917—1919 годы, до сих пор формально возглавляют Казачество и до сих пор тянут его все на тот же путь. Есть еще до сих пор казаки, которые платят в казну Н. Н. или в другие фонды, назначение которых все то же — продолжение дела „белых".

Значит, далеко не все еще благополучно в казачьем мире, хотя другой частью казачьей эмиграции и сделана уже большая работа для внесения ясности в казачий вопрос у самих казаков. Самостийное движение от стихийных настроений укладывается в ясную и определенную вольно-казачью программу Казакии. Но, представители старого русского не сдаются, надеясь еще раз повести Казачество по той дороге смерти, по которой они провели его уже в 1919—1920 годах.

Катастрофа 1920 года — катастрофа не только вооруженных сил казачьих республик, это — страшный провал вождей казачества единонеде-

лимческого толка, увлекший за собой в пропасть и Казачество, отдавший в московские красные руки обескровленные и разоренные ожесточенной войной Казачьи Земли. Катастрофа 1920 года — это расплата Казачества за его (вольный или невольный — все равно!) союз с Добрармией, за стремление некоторой части казачьей старшины поддержать во всероссийском масштабе дело Деникина-Врангеля.

На краю пропасти Казачество пробовало спасти свое положение — был созван Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, но — было уже поздно. События катили судьбу Казачества уже по наклонной плоскости. К несчастью Казачества, в его собственной среде даже в тот смертный час не было единства понимания ни своего положения, ни средств и способов своего спасения.

Ради будущего надо обернуться иногда назад и посмотреть в прошлое. Там можно часто найти уроки для настоящего. А настоящим, ведь, — делаем будущее...

На этих страницах мы выражали уже сожаление о том, что казаки сами не пишут истории своей недавней борьбы. Надо собирать томы материалов, надо писать книги. К сожалению, на страницах журнала можем говорить только в общих чертах. Скоро этого будет недостаточно, но сейчас, когда живы еще непосредственные участники событий, они восполнят в своей памяти многие детали того, о чем мы будем говорить здесь по необходимости в общей форме.

Припомним хотя немногое из того, что было одинадцать лет назад. Вспомним, какие силы играли какую роль, какие события и люди предопределили исход больше чем двухлетней вооруженной борьбы Казачества и привели его к трагедии на берегах Черного моря.

Самым большим „внутренним“ врагом казачьего дела была путаница и противоречия на верхах казачьего управления и законодательства, короче — на верхах казачьей государственной власти. Законы принимались в направлении самостийном, а исполнять эти законы ставились противники самостийности. В самом деле. Первое „противоречие“: нельзя было Донскому Кругу принимать самостийную Конституцию и ставить во главе Донской Республики такого безоговорочного противника самостийности, как генерал А. Богаевский. Нельзя было Кубанской Раде принимать самостийную программу, рвать на этом с Деникиным, а Атаманом избирать Филимонова, не менее определенного противника самостоятельного государственного бытия Казачества, чем и Богаевский. Такие „комбинации“ даром не проходят. Раз — самостийные Конституции, то и во главу исполнительной власти надо было ставить самостийников. А если Атаманами выбирать единонеделимцев, то какой практический смысл имело принимать самостийные Конституции?

В моменты решительной борьбы за свободу, когда идет вопрос о жизни или смерти целого народа, во главе себя народ должен ставить людей соответствующих и своей национальной программе и по характеру своему отвечающих требованиям данного исторического момента. У казаков же, и Богаевский и Филимонов, помимо того, что они были противниками подлинных казачьих стремлений 1917—1920 годов, они, тогдашние казачьи Атаманы, и по характеру своему были (и есть) типичными представителями служилого казачества, той части казачьей старшины, которая и до сих пор ни на что другое, чем „чего изволите?“ перед русскими единонеделимцами, не способна. Поэтому тогда уже, в сущности, фактическими распорядителями судеб Казачества были Доброармейцы.

Если в „нормальных“, мирных условиях соответствие между общей программой и задачами народа, с одной стороны, и личными качествами исполнителей — вождей и возглавителей государств и политической жизни, с другой, играет такую важную роль, то в обстоятельствах чрезвычайных такое соответствие или несоответствие играет роль решающую. К несчастью Казачества, повторяем, это — одно из основных условий успеха и казачьего дела — исполнено не было.

Неудачное решение атаманского вопроса, естественно, не могло повлечь за собою счастливого решения и что касается личного или „программного“ состава казачьих правительств, ответственных и перед законодательными учреждениями (Круг, Рада) и перед Атаманами. Опять таки, даже в нормальных условиях положение правительства, обязанного считаться и с парламентом и с президентом (в случае их несогласий в понимании самых основных задач государственной жизни), было бы весьма трудным, а в наших условиях 1917—1919 годов — больше, чем трудным. Вот почему на Кубани, напр., правительственный кризис ни разу не был решен удачно. Это, в свою очередь, не могло не влиять губительным образом на ход событий.

Эта „неразбериха“ „на верху“ и разногласия в самых важных и существенных вопросах между казачьими законодательными учреждениями и носителями исполнительной власти; намеренная тяга к „общерусскому делу“ у одних; невыграненность и неясность политического мышления у других; отсутствие „реальной силы“ в руках самостийников, — все это приводило и к тому, что „на верху“ казачьей государственной жизни такую большую и всегда вредную для казачьих интересов роль играли „чужие“, с точки зрения Конституций даже не граждане казачьих республик. Никогда не бывшие друзьями Казачества, они всегда были вредителями казачьего дела, а иногда и предателями, одновременно находившимися на службе непосредственных врагов его (напр., бывш. военный министр Куб. Пр-ва ген. Болховитинов).

Расхождение между верховными законодательными учреждениями (Круг, Рада) и Атаманами сыграло свою роковую роль и в самый ответственный, самый решающий момент событий 1920 года, почти непосредственно накануне

катастрофы. Имеем в виду поведение некоторой части старшего командного состава казачьих армий во время Верховного Круга об'единенного Доно-Кубано-Терского Казачества.

Отношения между казачьими Кругами и Радой и Добрармией, а потом и „В. С. Ю. Р.“, несмотря на все старания некоторых поклонников дела „белых“ среди казаков, никогда не были „розовыми“ и, чем дальше, тем портились все сильнее и глубже. Так наз. „Южно-русская конференция“, несмотря на то, что кубанцы — противники соглашения с ген. Деникиным — были в меньшинстве, так за шесть месяцев и не дала никаких результатов. Тем временем Казачество, отходя от своего навязанного сотрудничества с русскими „бело-черными“, начинало сознавать все большую необходимость сговориться самим между собою и общими силами брать свою судьбу в свои руки. Сознание неизбежности гибели дела Деникина помогало таким намерениям. Это и зародило среди представителей Д. Круга и К. Рады желание о конкретизации и осуществлении казачьих стремлений к сговору. Так родилась мысль о созыве первого в истории Верховного Круга Донского, Кубанского и Терского Казачества.

Прекрасная мысль, к сожалению — поздно осуществленная. Верховный Круг собрался, когда Дон уже заняли красные. Началась дезорганизация на командных военных и политических верхах...

Верховный Круг собрался для того, чтобы стать верховною властью для Дона, Кубани и Терека. Был поставлен вопрос о создании Союзного Казачьего Государства. Но... в казачье дело снова вклинивается Деникин. Под тяжестью чрезвычайных внешних обстоятельств, Верховный Круг ведет вынужденные и нудные переговоры с Деникиным, принимает формулу соглашения, потом рвет ее... Рвет с делом Добрармии и собравшаяся Кубанская Рада. Но, опять таки, — поздно.

В чем же и где причина неудачи попытки Верховного Круга создать казачье государство? — Верховный Круг собрался в условиях и обстановке весьма тяжелых. Но, как и Куб. Рада, и В. Круг не имел в своем распоряжении реальной военной силы.

Ни для кого не секрет, что, ведя переговоры с командованием В. С. Ю. Р. (Деникин-Романовский), Верх. Круг готовился к разрыву. В первую голову надо было решить вопрос о своих вооруженных силах. (Верх. Круг в самом же начале своих работ поставил перед собою два основных вопроса — вопрос Конституции Союзного Казачьего Государства и вопрос его армии, поэтому учреждено было всего две комиссии: конституционная и военная). Предполагая первым своим актом создание Казачьей Армии, Верх. Круг начал искать будущего главнокомандующего об'единенными Доно-Кубано-Терскими казачьими вооруженными силами. Был задан вопрос и тогдашнему командующему Донской Армией ген. Сидорину (намечалось ген. Сидорину предложить пост главнокомандующего, а ген. Кельчевскому — пост нач. штаба). И что же? Что ответил казак, генерал Сидорин, наивысшему представительному Казачьему Собранию — верховной власти казачьей? — Буквально: „Я дал слово генералу Деникину и ему не изменю“. Для Сидорина Деникин и его дело стояли выше Казачества и его судьбы.

А некоторые кубанские генералы — комкоры и начдивы? — „Недовольные“ выборами Куб. Атаманом ген. Букретова,*) а еще больше разрывом Верх. Круга и Рады с Деникиным и его делом, они начали „доказывать“, что без Деникина „сделать ничего нельзя“ и намеренно спешили на Черноморское побережье, чтобы „наглядно“ показать казакам „вредность разрыва“ и „наказать виновников разрыва“. Некоторые генералы „саботировали“... Саботировали до того, что один из генералов предлагал для спасения положения и „перемены настроения“ повесить одного-двух генералов. Ген. Букретов на это не пошел... События шли своим чередом.

Как же при таких условиях могло Казачество успешно вести вооруженную борьбу за свою долю?

Не все было хорошо у нас в прошлом. Чтобы не попасть в будущем в такое положение, Казачество должно научиться заставлять подчиняться своей воле не только рядовых казаков, но и „строптивых“ генералов или — во-время расстаться с теми, кто может предпочесть службу московскому боярину службе своему народу.

Командный состав Донской Армии, оставшийся верным генералу Деникину, довел донцов до... Новороссийска. Кубанские генералы, фрондировавшие против Рады, через два года в чужих краях при встрече с Врангелем переходили на другую сторону улицы. Но что из того? — поздно.

В весне 1920 года могут найти поучение не только казаки. Когда Кубанская Армия пришла на Черноморское побережье, перед кубанцами встал вопрос о соглашении с Грузией, о возможности перехода грузинских границ. Но, миссия особой делегации Кубанской Рады по этому вопросу не имела никакого успеха в Тифлисе. Позже казаки узнали, что грузины в то время вели как раз в Москве „мирные“ переговоры. Увы!— Теперь, пожалуй, и грузины согласятся с тем что существование казачьих республик гораздо лучше гарантирует Грузинскую самостоятельность, чем даже „дружественные“ договоры с Москвою.

Вспоминая сейчас печальную годовщину краха казачьего дела одинадцать лет тому назад, может быть будет не лишним и не лишенным

*) По существу этот выбор действительно не был удачен, но тем не менее поведение „фрондирующих“ генералов не может быть тем оправдываемо, — служили Деникину, могли послужить и своему Краю. И в этом случае расхождение не спасло ни генералов, ни казаков...

смысла припомнить последнее решение Кубанской Краевой Рады на своей казачьей земле. Предвидя возможность военной катастрофы, Рада поступила так. Не желая, чтобы, в случае сдачи Армии, сдавалась и Рада, как Рада, т. е. не желая передавать в руки неприятеля самого символа тогда казачьего суверенитета, Краевая Рада постановила не распускать себя, а только закрыть свое „очередное“ заседание и, закрывая это заседание 29 марта (16 по ст. ст.) перед переходом через Гойтинский перевал, Рада поручила своему Президиуму созвать Раду, когда наступит для того соответствующий момент.

Пусть это решение имеет сейчас только символическое значение. Но оно свидетельствует, что даже в годину, казалось, безнадежную Казачество не считало своего дела законченным. Само же решение Рады — есть моральный приказ-завет казачьей эмиграции продолжать освободительную борьбу.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Со вступлением в юношеский возраст для „хлопца“ начинается севершенно новая жизнь. До сих пор он жил преимущественно воображением; с этого времени его жизнь вступает в реальные формы. Многое из того, о чем он прежде только мечтал, начинает осуществляться в действительности. Так, в интересующем нас направлении:

В первое время юношества „хлопец“ уже перестает быть таковым — он еще не „парубок“, но уже призывается на общественную службу — для посылок при станичном правлении, занимает должность „десятника“ или „тижневого“ (так как назначается на всю неделю— „тиждень“). Не сложное это дело, но он горд уже тем, что принимает участие, по его мнению, в общественных делах. Если вы спросите мать о ее сыне, то она с гордостью ответит вам: „Та нічого! вже, слава Богу, десятникує“. Это указывает на то, что на этот наряд смотрят не как на повинность, а как на признание достоинства, признание членом общества, достойным доверия. Он уже не „хлопец“, а что-то большее.

Единственным знаком его достоинства и значения служит длинная палка, так как пройти по станице без этого „оружия“ безнаказанно — подвиг, ибо на каждом шагу всевозможные „Сірки“, „Рябки“, „Жучки“ и тому подобная „публика“ считает своим непременным долгом с особенным остервенением бросаться на всякого прохожего, особенно при входе его во двор. Несмотря на довольно неказистый вид этого знака достоинства десятника, он им дорожит и тщательно прячет до следующего наряда. При исполнении служебных обязанностей десятник чувствует себя наравне с прочими должностными лицами в станице и старается подражать им не только в аккуратности в исполнении поручений, но и в обхождении со всеми: к старшим, женатым, он обращается, называя их „дядько“, а старикам „діду“, при чем он не забывает снять шапку при встрече на улице, показывая этим, что он уже не „хлопец“, а принадлежит к корпорациии служащих, что составляет его гордость. С этого времени он начинает привыкать к повиновению и к почтению ко всем старшим, без различия — знаком ли он с ними, или нет.

Более усердных и точных исполнителей приказаний, как десятник трудно найти, — он старается выполнить приказание не формально но по существу и не редки случаи, когда десятник сам подвергается неприятности при исполнении его. Посылает, например, станичный атаман десятника за кем либо с таким приказанием: „Ступай ти, хлопче, до Опанаса Ступака, та скажи йому, щоб він зараз же кинув печене й варене та прийшов сюди. Діло спішне, щоб миттю був тут! Та біжи скоріше, одна нога — тут, а друга — там! Тямиш? Ну, гайда!“

Десятник хватает шапку и палку и со всех ног мчится по улице, сопровождаемый целой сворой рябков, выскакивающих из попутных дворов и заливающихся неистовым лаем. Прибежав, запыхавшись, к Ступаку, он застает его за работой под навесом с топором в руках, около воза.

— Здрастуйте, дядьку! Станишний отаман наказали, щоб ви зараз скоріше йшли в правление, якесь діло є.

— Добре, зараз — отвечает Ступак, продолжая свою работу.

— Та вони казали, щоб ви зараз йшли.

— Та зараз же, зараз! Ось тільки кончу діло.

— Та ні, вони казали, щоб миттю.

— Ще й миттю! Сказав — прийду, одвяжись!

— Та ні, дядьку! Зараз йдіть!

— Та, одвяжись, кажу тобі! Чого пристаеш?!

— Та вони казали, щоб кидали печене й варене!

— Та згинь ти, каторжний хлопець! Прийду!

— Та ні, зараз ідіть!

— Геть, пішов, треклятий хлопець, а то чуба намну!

— Та чим же я винен, коли вони так наказали?

— Що мені робить, сокирою чи що тебе хватить!

— Та щож, рубайте, та тільки зараз ідіть!

— От пристав! Ну, добре! зараз! — потеряв терпение говорит Ступак, положив топор и делая вид, что собирается идти.

Десятник успокаивется и идет к воротам, но, остановившись в воротах и видя, что Ступак опять принимается за дело, кричит ему оттуда:

— Дядьку! Та ідіть, бо мене ж лаятимуть! — кричит со слезами на глазах десятник.

Потеряв терпение, Ступак бросил топор и начал собираться идти. Десятник подождал, пока он вышел на улицу, и пустился во всю к правлению, где встретив атамана, доложил: „Уже йдуть по вулиці“.

— Спасибі! Жвавий хлопець! — похвалил его атаман. И сияющий от удовольствия, хлопець ушел в комнату, именуемую казармой, в которой помещаются все должностные служащие.

Следующая ступень станичной служебной иерархии для юношества — „Летюк“, отвозящий верхом пакеты в соседние станицы. За ним следуют „огневщики“ — наряд на случай пожара, собирающийся в правлении в распоряжение атамана и, наконец, последняя ступень — „одинарці“ (т. е. ординарцы, почему-то так называемые); эти служат для более важных и сложных поручений, они же сопровождают и арестованных, поэтому надевают и шашку. По достижении 18 лет молодежь приводится к присяге на верноподданство — это уже настоящие „парубки“.

Пройдя такой служебный стаж в станице, юноша вполне ознакомится с основными требованиями службы— дисциплиной и чинопочитанием, т. е. усвоит их сущность, разумеется, без уставных фокусов — козыряний и „глотания аршина“ и пр.

Приведеный выше пример исполнения приказания начальства (кстати сказать не выдуманный) показывает, как понимало казачество дисциплину и приучалось к ней с молодых лет. По воинскому уставу: „дисциплина заключается в строгом и точном исполнении приказаний начальства“, согласно этому десятник был бы совершенно прав, если-бы только передал на словах приказание станичного атамана Ступаку и возвратился. Так с формальной точки зрения. Но десятник из слов своего начальника заключил, что в данном случае этого мало, он явно увидел, что атаман желает, чтобы Ступак действительно сейчас явился бы в правление и

считал своею обязанностью выразить всеми способами это, передавая приказание Ступаку. Угрозе последнего зарубить топором он, конечно, не поверил, как и сам Ступак не думал привести его в исполнение, но своею настойчивостью он действительно побудил последнего исполнить полученное им приказание. По понятию десятника приказаие будет выполнено им только в том случае, когда Ступак действительно придет в правление.

Не в выполнении внешних знаков почтения своему начальству казак понимал чинопочитание, а в признании за ним права отдавать приказание, которые должны быть безусловно выполнены, в чем и заключается, по его мнению, дисциплина, та, по словам генерала Сухомлинова „своеобразная" дисциплина, которую генерал не понимал, по его собственному признанию. И вот с этих юных лет, еще дома, укреплялась эта дисциплина среди молодоых казаков. Ее не понимало и не могло понять армейское начальство, судившее о дисциплине по внешним признакам. Сводолюбивое казачество, веками воспитанное на равенстве, видело в требовании оказания внешних знаков почтения, как бы желание унизить его. Оно сознательно подчинялось тем, кого признавало авторитетным в достижении известной цели, но не терпело афиширования этого подчинения вне дела (т. е. вне службы). С первых шагов общественной службы, юноша казак с гордостью снимал шапку перед старшими, показывая этим, что он уже приобрел право равняться с ними, что он уже, некоторым образом, им товарищ. Это возвышало его в его собственных глазах, сохранилось оно и в зрелом возрасте, но когда от казака потребовали не добровольного приветствия, а отдания „чести", в этом, может быть, бессознательно он увидел посягательство на его душу. Неудачное название установленного приветствия сыграло не последнюю роль в этом отношении, ибо какая честь тому, которого лично я не признаю достойным ее, ни человеку, которого не знаю, или же прямо недостойному ее, по моему личному убеждению.

В течении этого периода времени юный казак окончательно овладевает оружием. Содержание его в исправности, чистка и вообще уход за ним постепенно переходит от отца в его руки. Сначала он все делает под руководством отца, а затем и самостоятельно, когда последний уверится в его знании и умении справиться с этим делом. В этот период он не только встречает и провожает кутью, стреляя на иордане или в джигитовке, будучи боярином (шафером) или на майдане, но и ходит на охоту, т. е. стреляя уже дробью, картечью и пулей. Все эти снаряды он выучивается делать сам и даже отливать пули, которые были круглыми в кремневых гладкоствольных ружьях черкесского образца с узким прикладом.

В этот же первый период юноши отец озабочен приобретением для сына оружия и всех предметов обмундирования с таким рассчетом, чтобы ко времени 18 летнего возраста, когда сын принесет первую присягу и сделается уже настоящим „парубком", собрать все, что нужно для него, кроме ружья, коня и сбруи, так так как он еще не знает, будет ли сын его козаковать конным или пешим. Это сделается известным через два года, когда будет присягать на верность службы и к тому времени выявятся его способности к наездничеству. Казаки не любили пешей службы и потому употребляли все силы, чтобы попасть в конные части, ибо, что такое пеший казак? В их представлении казак непременно должен быть на коне. Поэтому молодежь все силы употребляла, чтобы сделаться наездником. Этому помогали станичные скачки и джигитовки, которые происходили в праздничные дни, обыкновенно на церковной цлощади. Не проявившие способности к наездничеству до 18 летнего возраста, обыкновенно, на них не участвовали. Таких было очень мало, так как молодежь из кожи лезла, чтобы попасть в конные части и всеми силами старалась выработать из себя настоящих джигитов. Не участвовали на этих скачках только имевшие физические недостатки. Таким, можно сказать, естественным путем, подбиралась эта конница, не находящая себе равной по наездничеству в целом мире. И даже теперь, после сравнительно длинного промежутка времени упадочного периода казачества, когда из него старались сделать чисто регулярные части, казаки удивляют народы всех стран света своею лихостью и наездничеством.

В первый период юношескаго возраста, будущий казак уже окончательно овладевал конем. Он не был еще тем наездником, каким делался ко времени выхода на кордон, т. е когда в 20 лет принимал присягу на верность службе, но он сидел в седле достаточно твердо, ездил смело и делал большие переезды в должности „летюка". Расстояние между станицами в 35—40 верст было не редкость. В 18 лет он уже гарцует на лошади во время стрельбы на Иордани, не пропуская случая упражняться в тех фигурах, которые придется ему проделывать на площади во время скачек и, будучи „боярином" (шафер), старается показать свою лихость, сопровождая верхом приданное невесты во время свадебного поезда.

Главным отделом наездничества была джигитовка. Пришла она к нам от горцев, любителей наездничества и лихости. Казачество, привыкшее издавна наблюдать и изучать привычки врагов, чтобы пользоваться ими в своих интересах, скоро подметило приемы горцев для достижения ловкости и смелости в езде, а тоже и в употреблении оружия и переняла от них все, что способствовало этому и что оно считало целесообразным. Прежде для казака считалось совершенно достаточным, если он мог смело ездить на лошади на всех аллюрах, преодолевать втречающиеся препятствия и укрепляться на седле до такой степени, чтобы усидеть на лошади, совершенно не выезженной, взятой из табуна, усмирить ее и сделеть послушной в руках всадника. Столкнувшись с горцами, народом проворным, ловким, до виртуозности умеющим владеть оружием и пользоваться конем, казаки увидели, что этого мало и, стараясь восполнить пробелы в своей подготовке, подражали им во всем, что способствовало этому. Наблюдая за горцами в их аулах, пластуны видели, как черкесские дети рубили воду в текущей реке, стараясь погрузить шашку в воду совершенно перпендикулярно к поверхности воды и чтобы при этом не получилось ни одной брызги— требуется быстрый и сильный удар; видели, как дети рубят и колят глину; видели, как взрослые и даже юноши ловко и легко отрубливали головы живым баранам, когда это требовалось. Видели пластуны также, как молодежь собиралась на просторном месте и упражнялась в наездничестве и пр. Все это рассказывалось в станице. Когда казакам приходилось сталкиваться с черкесами, они на себе чувствовали превосходство такой подготовки будущих воинов с малолетнего возраста. Так постепенно, без всякого участия и влияния начальства возникли по станицам праздничные скачки, в силу сознания населением их полезности и даже необходимости. Скачки эти так глубоко привились, что даже перешли в спорт, а затем и в детские игры, спорт который захватывал всех, независимо от возраста и пола. Если не все принимали в нем активное участие, то увлекались им все без исключения, от мала до велика, имея в виду не только его пользу, но и необходимость.

Трудно определить время, когда этот спорт появился в станице, но развитие его можно отнести к сороковым и пятидесятым годам прошлого столетия, после чего он постепенно начал приходить в упадок, по причинам, о которых будет сказано ниже, а потом уже потребовалось и вмешательство начальства, чтобы возродить его вновь.

Казаки вообще относились отрицательно ко всему тому, что считали непригодным для дела, целесообразности чего они не понимали, поэтому все фигуры их джигитовки строго соответствовали боевым требованиям, и владение оружием, управление лошадью, крепкая посадка в седле составляли главное основание джигитовки, как и преодоление всяких препятствий; затем — отвоз раненых на лошади или на бурке и пр. Даже скакать стоя на седле поощрялась ими, потому что в плавнях нередкостью была езда в таком положении, чтобы видет сверх камыша, чтобы заметить движение или присутствие врага по его колебаниям. Зато такая фигура, как скакать вверх ногами, всегда возбуждала смех, а не серьезное отношение к себе.

Как всякий спорт, джигитовки в станице имели гро-

мадное значение, как в физическом, так и нравственном отношениях, не останавливаясь на первом, относительно второго можно сказать, что они служили средством большого под'ема духа не только у участников, но и у присутствующих, как всякий спорт, побуждая первых к соревнованию.

Скачки эти производились под руководством кого-либо из опытных казаков, чаще урядников, приобретших в станице славу наездника. Представляя в рядовые праздники и по воскресениям обыкновенное домашнее упражнение, в особенные, большие праздники они были особенно многолюдны участниками и зрителями.

(Продолжение следует).

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

Глава II. Приход Красной армии.

В то время, как в Округе царили шум и болтовня нового „правительства", выделенного из состава 28-го полка, красное командование аннулировало только что заключенные мирные условия с полками Донской армии и, по пятам казаков, красные части вторгались в нейтральную зону В.-Донского Округа.

„Товарищи" Фомин и Мельников, напуганные появлением партизанских отрядов Донской армии со стороны станицы Каргиновской, бросились в разные стороны за вооруженной помощью; делегаты с красными бантами мчались в ближайшие части красных. Штаб 28 полка, не уверенный в том, что красная армия может быстро придти на выручку, приступил к ликвидации окружного казначейства и продовольственных складов. Настроение жителей подымалось; блеснула мысль о спасении Округа от нашествия большевиков, но увы! надежда на избавление от красных в тот же день была рассеяна прибывшими делегатами 33-го Московского сов. полка. Перепугавшаяся власть успокоилась. Ликвидация остановлена. Партизаны исчезли.

Население, несочувствующее красной власти, а главное из за страха перед „чекой" попряталось; площади, улицы опустели; закрылись наглухо окна; в вечернее время редко где увидишь мерцание огонька; всюду мертвая тишина.

15 января 19 года штаб 28 полка, чувствуя конец своего „правления", приступил к расхищению четырех с половиною миллионов денежных знаков, из'ятых из окружного казначейства, но в то же время охотно выполнял просьбы отдельных лиц и учреждений, которым надлежало получить причитающиеся „от казны" суммы, для погашения долговых документов, которые остались не оплаченными эвакуировавшейся „белой" властью; но, что важно, так это — из'ятие денег и распределение их между казаками с целью сохранить казачье достояние от поползновений красных. Значит, мир с красными — мир „внешний", да и то заключенный вынужденно.

К 17 января всюду воцарилась тишина. Недавно оживленный Округ вдруг замер. Все взрослое население и толпы веселых детей, которые только сейчас кувыркались в сугробах снега, исчезли. Первым вестником приближавшихся красных были конные красноармейцы, карьером влетевшие на площадь станицы, которых встретил станичный „пролетариат" низким до земли поклоном и ревом приветствий.

Через некоторое время, перед закатом солнца, на участке песчанных пирамид, расположенных между хутором Дубовским и станицей, была видна ползущая, змееобразная серая масса, которая медленно приближалась к окраинам станицы. Попрятавшееся население наблюдало за проходящими солдатами из за полузакрытых дверей, через щели окон, из под заборов, плетней. Пришедшая часть красной армии называлась „15-й Инзинской п. дивизией", которая была расквартирована в станице Вешенской.

Во время квартирования в станице, красные солдаты держали себя нагло, не мало причиняли „неприятностей" и притеснений; лучшие комнаты занимались солдатскими подсумками, котелками, консервными банками и пр. барахлом, а хозяев, независимо от количества членов семьи, сгоняли в одну комнату-стряпуху и приказывали „не пищать" и „не беспокоить красных солдат защитников всемирного пролетариата".

Всем известно, что в доме каждого казака — иконы и лампада прежде всего. И вот Ленинские солдатики, наевшись до отвалу казачьего хлеба и развалившись на полу, брали винтовки и начинали заниматься стрельбой по иконам и лампадам... Лопались стекла окон, со звоном падали иконы, пороховой дым и хохот красных солдат наполнял прежде чистую и тихую горницу казака. На протест хозяев отвечали: „Ты что разговариваешь, мать твою... кадет этакий, али хочешь проведать Могилев? Возьми своего раненого Бога и иди вон!" Бессильный казак молча собирал осколки икон, лампаду и уходил думать думушку свою горькую.

Некоторые любопытные бродили по улицам, останавливались над красными знаменами штабов, перечитывали надписи: „15 Инзинская дивизия Р. С. Ф. С. Р." „Мир хижинам, война дворцам", „в борьбе обретешь ты право свое" и пр.

Вскоре 15 див. была отправлена на фронт, а в станицу прибыла новая власть — террора и неописуемых бесчинств.

Глава III. Красный террор.

После ухода частей красной армии на фронт, станицы Верхне-Донского Округа столкнулись с новой „социалистической властью": трибунал, чека, команда слежек и подслушивателей, охраняемые карательными отрядами особого назначения. Комиссары, имея неограниченную полицейскую власть, первым долгом приступили к ликвидации штаба 28 полка. Как штаб, так и полк был распущен, оружие отобрано. „Товарищи" Фомин и Мельников и их помощники остались за бортом; их высокими заслугами советская власть теперь не интересовалась и они усердно обивали пороги красных учреждений, вымаливая покровительство „за усердную службу". Население же обезоруживалось, включительно до ножа; закрывались храмы, училища, „социализировалось" имущество граждан и церковная утварь. Жители бросились, кто куда мог, — кто на юг, кто в погреб, кто в лес, в болото... Озверевшие комиссары тешились грабежом, убийством, выполняя секретную инструкцию высшего революционного совета, которая была отобрана у политического комиссара Эрлиха, пойманного восставшими казаками 5 Марта, при взятии станицы Букановской. Вот ее текст:

„Инструкция. Секретно. 12 декабря 1918 года. От Высшего революционного совета Р. С. Ф. С. Р. политическому комиссару Эрлиху для исполнения. Лица перечисленные в пунктах подлежат обязательному истреблению: все генералы; духовенство; укрывающиеся помещики; штаб и обер офицеры; мировые судьи; судебные следователи; жандармы; полицейская стража, вахмистра и урядники царской службы; окружные, станичные и хуторские атаманы; все контр-революционеры и — все казачество..."

Наряду с бесчинствующими комиссарами, зашевелились и подонки местного населения, нащупав „благоприятную почву" для легкой наживы. Комиссары в течении целых дней „развлекались" буйным пиром, собирая всевозможные доносы от местных шарлатанов,

от слежек и подслушивателей. Мирные жители зачековывались в избах, ожидая страшных сумерек.

Лишь только наступала ночь, как на площадь выползала красная шайка, сопровождаемая местными вожатыми. Красные чекисты силою врывались потом в помещения любого хозяина и учиняли там дикую расправу, набрасываясь на „одушевленную“ и „неодушевленную“ жертву. Взламывали домашние хранилища и выгребали все, что попадалось под руку, как-то: мебель, одежду, белье, посуду, и пр.

Кроме того, срывали иконы, крича: „товарищи кадеты, смотрите, мы вашего Бога повергли к ногам красного солдата!“ На протест хозяина, громилы выталкивали несчастного на улицу и, нанося удары прикладами, бросали его в сырой подвал, где уже десятки обреченных казаков тихо стонали от физической и моральной боли. Награбленное же имущество нагружали на обывательские подводы и отправляли на ближайшую станцию для „снабжения московского пролетариата“.

Ночью представители советской власти являлись в подвал узников, вызывали по списку заочно осужденных, приказывали забирать вещи „для отправки на Воронеж“. Узники, зная этот страшный лже-Воронеж, бросались друг другу в обьятья, передавая поклоны родному семейству. Жуткая трагедия невинно гибнущих совершенно не трогала дьявольские души палачей. Узников, вызванных по списку, окружал конвой, который ударами прикладов ускоренным маршем гнал в глухую степь, и там, в полночи, между безлюдных песчаных пирамид, совершалась инквизиция над казаками. Рубили головы, вырывали языки, снова пришпиливали голову к туловищу (как это сделали полковнику Дунаеву), злодеи наносили десятки штыковых ран даже в безжизненное казачье тело и оставляли потом на расхищение псам и диким зверям.

Вот вам честь в глухую полночь —
Быстрым маршем на покой!
Пусть гниет под снегом сволочь,
С нами — молот-серп с звездой.

Если же кто из родственников пытался предать земле изуродованное тело отца или брата по обычаю христианскому, что ему и самому угрожала та же участь. Церковь молчала. Молящиеся были рассеяны. Только с высоты колокольни сиял символ правды, мира и любви...

Население Округа, охваченное ужасом, металось по хуторам и буеракам всячески укрываясь, чтобы не попасть в распоряжение чеки. Ненависть к новой чужой власти росла не по дням, а по часам. По хуторам бродили команды мародеров, забиравшие скот, лошадей, казачий хлебец, перетрясая сундуки, отыскивая „белопогонников“. На все жалобы хуторских обществ отвечали усилением террора.

Казаки, доведенные до крайнего отчаяния, под всякими предлогами пробирались из одного хутора в другой, собирали сведения о количестве хуторов, которые готовы к неизбежному восстанию.

(Продолжение следует).

А. Ленивов.

„Персидский бунт“ Черноморских казаков.

Аггресивность завоевательной политики Екатерины II, проявившаяся в виде непрерывных войн России с граничащими государствами, нашла применение себе и на далеком юге (Персия). В частности, для открытия военных действий со стороны России в отношении Персии послужили два основных момента русской политики на Востоке, а именно: Защита Грузии (протекторат России с 1783 года) от притязания персов и стремление к утверждению русского влияния на берегах Персидского залива (неосуществившийся проект Петра I).

Надо отметить, что хотя Петр I умело и искусно рубил головы тысячам Донских (Булавинское восстание 1707-1709 г. г.) и Запорожских казаков (эпоха Кошевого Костя Гордеенко-Головко 1702-1709 г. г.), прорубливал „окно в Европу“, но на берегах Персидского залива его ждало горькое разочарование, рубка окна через Персию потерпела полнейшее фиаско. И только спустя много десятков лет неосуществившийся проект Петра I был еще раз испробован Екатериной в период 1796-1797 г. г., в виде похода русских войск в Персию. По окончании этого похода и произошел бунт Черноморских казаков, (прибывших из Персии на Кубань), известный в истории под наименованием т. н. „Персидского бунта“.

Прежде чем приступить к изложению основных моментов „Персидского бунта“ Черноморских казаков, для проведения некоторой параллели, будет вполне уместным сказать несколько слов и об Индийском походе Донских казаков, едва не ставшем вечной могилой для 22½ тысяч Донцов, посланных на завоевание Индии сумасбродным Павлом I, сыном Екатерины II.

Страшно подумать о том, что Павел I, избрав Донское Войско для завоевания Индии, послал его в количестве 22½ тысяч бойцов (было мобилизовано и послано все мужское население Войска), ничего не дав, ничем не снабдив... Этот знаменитый Индийский поход лишний раз прославил ни с чем несравнимую глупость Павла I, а может быть подчеркнул и сознательный преступный замысел государственной власти в лице Павла I, направленный к уничтожению Войска Донского. Как иначе об'яснить, посылку 22½ тысяч Донских казаков, отправленных Павлом I для завоевания Индии и снаряженных всего лишь „о двуконь“, но не снабженных ни географическими картами, ни планами похода, ни маршрутами пути, ни медицинскими средствами и, наконец, не получившими даже провианта, и вооруженных при этом лишь шашками, пиками и пистолетами, но не ружьями.*)

Индийский или (иначе называемый) Оренбургский поход, начавшийся в январе 1801 года, когда 41 конные полки Донских казаков (всего 22½ тысячи вооруженных бойцов), двинутые без всякой подготовки в Индию под командой Атамана Орлова, оказались в неописуемо тяжелых условиях, благодаря чему и весь начавшийся поход стал могилой десятков, сотен казаков, гибнувших от болезней и истощения и только... лишь удушение безумного Павла I в Михайловском замке, последовавшее от руки гр. Палена и его сообщников, положило предел преступной затее и спасло Войско Донское от физического уничтожения.

Известие о смерти Павла I и приказ о возвращении, застигнувшие Донцов в верховьях р. Иргиза, на высоте г. Оренбурга, спас десятки тысяч Донских казаков, не досчитавшихся при своем возвращении на Дон, многих станичников в своих рядах.

Итак защита Грузии и стремление к утверждению русского влияния на берегах Персидского залива явились доминирующим началом в деле разрыва дипломатических сношений и открытия военных действий против Персии. Как прямое следствие приведенных положений, явилась в начале 1796 года посылка русских войск в Персию под командой генерал-аншефа графа Валериана Зубова, одного из фаворитов Екатерины II.

Генерал Гудович, являвшийся одновременно рязанским, тамбовским и кавказским генерал-губернатором, имевший своей резиденцией г. Ставрополь, знавший о предполагавшейся военной экспедиции и, в связи с этим, претендовавший на роль возглавителя оной экспедиции, начал заранее подготовлять этот поход. Однако, все эти рассчеты пошли прахом в связи с назна-

*) Вооружение Донских казаков ружьями, последовало лишь в 1807 году, по распоряжению Атамана Платова, но и то, исключительно из числа ружей, отбитых у неприятеля в бою, но никоим образом из Российских оружейных складов и заводов.

чением Зубова, который, прибыв на Кавказ, пожелал тотчас же двинуться во главе войск в поход на Персию. Напрасно, как ген. Гудович, так и чины его штаба, пытались воздействовать на Зубова в смысле отсрочки выступления в поход, приводя ему в качестве доводов и отсутствие подготовки и обученности войск и недостаток продовольственных запасов и средств передвижения и, наконец, его (Зубова) молодую горячность. Никакие способы воздействия, никакие увещеванья не помогли, Зубов поставил на своем и поход в Персию начался.**)

Согласно распоряжению Зубова, Войсковой Атамао Черноморского Войска Захарий Чепига, должен был выслать два пеших полка (5-сотенного состава) Черноморских казаков в г. Астрахань.

26 февраля 1796 года предназначенные для похода на Персию полки Черноморских казаков выступили с Кубани под командой Войскового Судьи Антона Головатого, имевшего чин бригадира. Поход Черноморцев от Екатеринодара до Астрахани прошел в чрезвычайно тяжелых условиях: на долю отряда выпало много злоключений, ибо поход начался в условиях полной дезорганизации военного управления и нужного сосредоточия войск, благодаря чему Черноморцев неудержимо гнали вперед, к Астрахани. Согласно распоряжению Зубова, Черноморцы должны были погрузиться в Астрахани для дальнейшего следования на судах по Каспийскому морю в Баку, где, согласно выработанной дислокации войск, они должны были произвести высадку и ожидать подхода остальных частей экспедиционной армии.

Форсированные марши, огромные переходы по Калмыцким степям, недостаток провианта и воды страшно изнурили Черноморцев и они, по прибытии в Астрахань, сразу начали сильно болеть. Несмотря на это, в указываемый период времени в казачьей среде не было отмечено ни одного случая дезертирства, что являлось самым обыденным явлением в частях русской армии. С прибытием Черноморцев в Баку, болезни и число смертей начали сильно увеличиваться, благодаря чему в соответственной степени начинало возростать и недовольство среди казаков, стало процветать и дезертирство; так например до 100 Черноморцев ушли в Грузию, ибо по дошедшим до них сведениям, там организовывалось вольное казачье войско.

Произвол, творимый как казачьей старшиной, так и высшими чинами русской армии, привел к тому, что Черноморцы и недоедали и были раздеты чуть ли не до гола. Изнурение, истощение и, наконец, повальные эпидемии различных болезней привели к тому, что смертность в отряде приняла ужасающие размеры. Всего в Персидском походе, в каковом казаки почти не принимали никакого участия в военных действиях, умерло от истощения и болезней 504 Черноморца, иными словами 51% общего числа казаков, участвовавших в походе в количестве 1000 человек: гибель этих казаков произошла исключительно благодаря произволу, царившему в высших армейских сферах.

С окончанием Персидского похода, Черноморские казаки в количестве 496 человек, оставшихся в живых, возвратились из Персии на Кубань под командой полковника Чернышева. Придя в Екатеринодар, казаки вспомнили все злоупотребления и непорядки, имевшие место в походе; они открыто начали обвинять в учинении произвола не кого либо, а именно старшин. Мало того, они (казаки), обвинив открыто их (старшин) в гибели своих станичников***) — казаков, потребовали от Войскового Правительства возмещения материальных убытков, понесенных ими во время похода. На лицо было открытое „нарушение дисциплины", перешедшее в открытое возмущение, грозившее претвориться в бунт.

Был издан приказ о роспуске казаков по домам, но он не был исполнен, так как казаки заявили, что будут продолжать оставаться в Екатеринодаре в виде организованной военной массы (полков), вплоть до прибытия Войскового Атамана Черноморского Войска Котляревского, находившегося в это время на Таманском полуострове.

Тут же на месте (в Екатеринодаре), вернувшиеся из Персии казаки написали жалобу на имя Черноморского Войскового общества (но не Рады[1])) и изложили все злоумышления, учиненные по отношению к ним. Правота в своем деле возвратившихся Черноморцев, добивавшихся наказания виновной казачьей старшины, вызвала сильное брожение во всем Черноморском Войске, благодаря чему начали увеличиваться ряды недовольных за счет присоединившихся казаков со стороны. Необходимо еще отметить, что из рядов последних выделились энергичные главари, которые открыто повели казаков на борьбу с властью, особенно обозначились Дикун, Половый, Собакарь, Шмалько и др.

Жалоба, адресованная Черноморцами Черноморскому Войсковому обществу, попала в руки Кошевого Атамана Котляревского, возвратившегося из поездки на Тамань. Чтение жалобы указало, что подобное положение не может продолжаться долгое время, так как оно могло угрожать и спокойствию всего Кубанского Края. Не возвращаясь в Екатеринодар, он проследовал прямо в ст. Усть-Лабинскую, предполагая в случае неблагоприятного развития хода дела, употребить против взбунтовавшихся казаков вооруженную силу армейского гарнизона, занимавшего ст. Усть-Лабинскую. За этим дело долго не стало, ибо казаки мало того, что освободили одного из своих виднейших главарей — Дикуна, арестованного по приказанию Котляревского, но стали требовать замены казачьей старшины избранниками из своей среды.

Генерал Пузыревский, инспектор кавалерийских полков Кавказской линии, находившийся на Кубани, заинтересовался разыгравшимся на его глазах делом, заходившим уж слишком далеко, ибо казаки требовали смены Войскового Атамана Котляревского, заменяя его своим кандидатом. Разбор дела ген. Пузыревским не дал однако никаких исчерпывающих результатов, сам Пузыревский должен был наглядно убедиться в том, что казаки в своих требованиях правы, ибо представленные ему данные, устанавливающие виновность старшин, отличались исключительной точностью и правдивостью.

Прекратив внезапно разбор дела, он предложил казакам выбрать из своей среды депутацию, которая поехав в Петербург, должна была на личной аудиенции царя вручить последнему жалобу (письменную) Черноморцев бывших в Персидском походе. Казаки, полагая искренно, что дело идет на чистоту, избрали из своей среды депутацию в составе пятнадцати человек (15), для поездки в Петербург. Роль Пузыревского во всем этом деле была совершенно провокационной.

К Пузыревскому обратились за содействием как сам Войсковой Атаман Котляревский, так и казачья старшина, и именно благодаря Пузыревскому удержался Котляревский на должности Войскового Атамана и не был сменен недовольными казаками только потому, что за Пузыревским находилась армейская вооруженная сила. Пузыревский, лично расспросив казаков о их обидах, оскорблениях, впечатлениях, касательно злоупотреблений старшин, сообразно этому, писал и прошение, которое повезла депутация в Петербург для представления царю. Однако, параллельно с этим, он (Пузыревский) делал соответствующим образом донос в Петербург, до невероятности исказив положение дел на Кубани. Результат иезуитского образа поведения Пузыревского моментально сказался с появлением Черноморской депутации в Петербурге, где она была тотчас арестована и брошена в тюрьму. Почти в то же время произошли аресты и в Екатеринодаре, где в об-

**) Описание Персидского похода будет нами приводится постольку, поскольку это будет касаться Черноморских казаков, находившихся в этом походе.

***) Номенклатура автора, ибо в описываемый период, все Черноморское войско состояло из 40 куреней, но не станиц, название приобретшее право гражданственности несколько позднее.

[1]) В 1794 году произошло упразднение Войсковой Рады, благодаря проведению в жизнь т. н. „Порядка общей пользы", составленного Чепигой, Головатым и Котляревским и утвержденным имперской властью.

щей сложности вначале было арестовано 222 человека из числа 496, возвратившихся на Кубань по окончании Персидского похода в 1797 году. Впоследствии число арестованных казаков из числа недовольных Черноморцев несколько увеличилось. И если все-таки арестованная в Петербурге депутация, сидела в казематах Петропавловской крепости, то в Екатеринодаре, „власть предержащие в своих руках“ распорядились судьбой арестованных Черноморцев несколько проще, засадив их в огромную яму, вырытую в земле.

Начался второй акт драмы Черноморских казаков, участвовавших в Персидском походе... и соответственно с этим, проявилась судебная „справедливость“ имперской власти!!!

Суд над арестованными Черноморцами тянулся ровно четыре года; в течение этого времени части казаков удалось бежать на Дунай к запорожцам (Задунайская Сич), остальную же часть заключенных перевели из Екатеринодара в ст. Усть-Лабинскую. Депутация Черноморцев, арестованная в Петербурге, была предана военному суду: заключенные в ст. Усть-Лабинской судились военным судом при местном армейском гарнизоне.

Решение суда: 170 казаков приговорены к смерти, 78 казаков присуждены к накладыванию клейма, выдергиванию ноздрей, битью кнутом на лобном месте и вечной ссылке на галерные работы (в качестве весельных гребцов). Кроме того, требуется отметить, что в течение того времени, пока тянулся суд, в тюрьме ст. Усть-Лабинской (на форштадте) из заключенных Черноморцев умерло 55 человек.

Краткая статистическая сводка: в Персидский поход ушло 2 пятисотенных полка Черноморских казаков, в количестве 1000 человек; во время похода умерли от истощения и болезней 504 человек, на Кубань вернулось 496 казаков; из этого числа в дни т. н. „Персидского бунта“ арестовано 307 человек, из коих 170 казаков приговорены к смертной казни, 78 к ссылке на галеры и т. д., 55 казаков умерло до решения суда в тюрьме ст. Усть-Лабинской. Итого, так или иначе из первоначального состава (1000 человек) выбыло по указанным причинам 807 казаков. Таким образом, если вычесть последнюю цифру (807) из первоначальной (1000), то остается еще остаток в 193 человека. Логично было бы предполагать, что этих 193 человек ничто не коснулось, ни смерть, ни истощение, ни суд, ни галеры, ни кнут, однако, и это положение вырисовывается несколько иначе, если принять во внимание, что известное количество арестованных Черноморских казаков, из числа засаженных в яму в Екатеринодаре, задолго до начала суда бежало в Турцию, где они и были приняты в состав Задунайской Сичи.

Произвол высшего военного командования русской экспедиционной армии в Персидском походе, вызвавший гибель 504 Черноморских казаков, привел к т. н. „Персидскому бунту“ оставшихся в живых после похода. Судебная юрисдикция русской имперской власти блистательно провела дело завершения т. н. „Персидского бунта“, угробив остальных Черноморцев, из коих лишь небольшой части оставшихся на живу, удалось бежать в Турцию и войти в состав Задунайской Сичи. Количество бежавших в Турцию Черноморцев, не поддается точному учету.

Параллель между Индийским походом Донских казаков и Персидским походом с последующим т. н. „Персидским бунтом“ Черноморских казаков, несомненно существует...

В первом случае (Индийский поход), ясно сказалась несравненная глупость Павла I, вернее сознательный преступный замысел государственной власти (в лице Павла I), направленный к уничтожению Войска Донского.

Во втором случае (Персидский поход и бунт Черноморских казаков) проявилось: 1) гниль верхов армейского командования, 2) произвол и злоупотребления среднего командного состава, 3) преступное судопроизводство со стороны русской имперской власти.

Индийский поход и „Персидский бунт“ суть исторические „аксиомы“, не требующие никаких доказательств, для конкретного определения отношений России к Казачеству.

Странным является, что ни в одном историческом исследовании или же просто учебнике истории, разработанном русским историком, не найдется ни малейшего упоминания о т. н. „Персидском бунте“ Черноморских казаков, когда ни за что, ни про что, погибла почти целая 1000 казачьих христианских душ... и спрашивается: во имя чего?.. Кто ответит!.. Только история.

И. С. Константинов. (*Дальний Восток*).

Таежный поход.

Отступление продолжалось, хотя и были слухи, что армия сосредоточится, пополнится мобилизованными и задержится у Ново-Николаевска. Этим слухам все же мало верили, а большевики наседали. Прошел слух, что и Ново-Николаевск сдан. Задержаться не удалось. Да и пытались-ли?...

В конце ноября 1919 г. в полдень мы переезжали реку Томь. Крестьяне сибиряки говорили: „Теперь на восток пойдет тайга, куда-же вы едете? прямо смерти в руки; там и люди-то почти не живут, все вы с голоду и холоду пропадете. Оставались-бы и сдались большевикам, — ведь, все равно такие-же русские люди“.

Так говорили сибирские крестьяне. Они не верили, что придут красные и будут грабить. А между прочим, они жили безбедно, или даже богато; помещичьего засилья у них не было (у них земельный вопрос был такой же, как и у казаков). Ясно было, что они не знали большевиков и их ждали.

После вестей о тайге, казаки наши приуныли, но оставаться на милость врага охотников не нашлось. Пехотные части, хотя и не все, боясь сибирской тайги, дальше не пошли. Сибирские солдаты, дойдя до своего местожительства, оставались дома.

Помню, в полдень в'езжали мы в дыру среди могучих вековых сосновых, кедровых и березовых деревьев, как в пасть зловещей Великой Сибирской Тайги. На каких нибудь десяти верстах местность так изменилась, что как будто мы очутились в другом мире. Дорога извивалась как змея, ища себе прохода между деревьями. Под кроной каждого старого векового дерева густо стоял и лежал крест-накрест по обе стороны дороги валежник разной породы и величины; еще ниже стоял сухой бурьян выше роста человека, сквозь который едва ли может пробежать зверь; а на самой земле, в аршин толщины, лежала легкая снежная холодная перина. Полумрак; внизу тихо, а сверху шумели деревья, — и не знаешь, откуда дует ветер и где солнце. Пахло смолой. Все это: лес, шум и человеческие голоса, раздающиеся громким эхом, наводит страх на человека не бывавшего в тайге. Не видно нигде даже прохода для человека, а не то, что проезда; тайга как бы сжималась и не хотела в себя пустить, но мы ехали...

Я с командиром 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона полковником Ворониным ехали впереди колонны. Он оглянулся и сказал:

— Какая жуть и темнота в этой таинственной тайге, не будет ли она для нашей жизни роковой?

Я ему ничего не ответил. Да и что мог я ему сказать? У всех на душе мысли были не веселые, даже кони наши и те, как бы предчувствуя близость своей смерти, повесили головы и прижимались одна к другой. Я ехал верхом за санями к-ра (он ездил

ходке или санях по случаю ранения; садился верхом в исключительных случаях), а мысли мои невольно были там, в родном краю, в родной станице, где теперь „красные". Живо ли мое семейство? Мои милые старики, жена и дети? Все они — далекие — казались сейчас настолько близкими в такие грустные минуты, что хотелось обнять и целовать каждого в отдельности... Вспомнил я родного единственного брата (хоть и разных матерей, а все же брат), — у него свои два сына воюют... Бедный брат, тебе тоже не легко... Вспомнил сестер и всех родных. В такие моменты всех жаль... Хочется заплакать... Они, ведь, не знают, где я теперь?...

— Стой! послышалось сзади.

Остановились. Сзади крик, шум. Оказалось, что орудие осью задело за дерево и никак нельзя сдать назад (все наши пушки перед тайгой были поставлены на особо приспособленные сани). И такие остановки были очень частые. К ночи добрались до таежной деревушки дворов в 20 и расквартирована в ней была вся наша 3-я Оренб. каз. бригада, т. е. 2 полка (3 и 6) и 3 батареи (3, 5 и 8) под командованием генерала Мамаева. Конечно, квартир было недостаточно, но что было делать? Офицеры и казаки устали физически и морально. Особенно тяжело досталось в этот день нашим артиллеристам, т. к. орудийные номера шли поочередно около орудий пешком и повозможности помогали ездовым, дабы не сломать саней и орудий.

Дальнейшее наше отступление продолжалось по санным дорожкам между маленькими хуторками таежных обитателей. В некоторых местах нельзя было достать не только овса, а даже и сена; приходилось покупать овсяные и пшеничные снопы или даже солому; иногда покупали, не спрашивая согласия хозяина. Стал ощущаться сильный недостаток как фуража, так и пищевых продуктов для казаков; появились больные, которые бросали седла или клали на сани (взятые у крестьян) и ехали на подводах. Много лошадей от недостачи корма отказывались от дальнейшей работы, приходилось менять у крестьян. А как меняли? Казак забирал у хозяина лошадь и давал ему кучу „сибирок"; иногда хозяин не соглашался, но не видя иного исхода, казак лошадь уводил, а свою исхудалую и деньги оставлял хозяину. Любая исхудалая лошадь казака была в десять раз лучше, чем та, которую он брал... Были случаи — казак плакал, прощаясь со своим другом конем, с которым он не один год делил радость и горе в военной обстановке, и просил хозяина не обижать его коня и предупреждал, что будет поминать за хорошего коня. (Так делала вся армия, — другого выхода не было).

Так доехали до гор. Ачинска, хотя в самом городе мы и не были, а остановились в деревне Малый-Улуй. Была дневка. Вдруг я заметил, что командиры полков, сотен и батарей забегали, заволновались и собирались на совещание. Потом узнали, что наш, уважаемый всеми казаками, ген. Мамаев в Ачинске застрелился. Все казаки своего командира не только уважали, но и любили. Он был истинным казаком. Во время большевиков вначале 18 года он уходил с Атаманом Дутовым в Тургайские степи, а по восстании казаков в том же году, он вернулся в Войско. Я помню, к нам в станицу Великопетровскую приезжал войсковой старшина Мамаев для проведения мобилизации казаков. Он говорил речь казакам, призывал сплотиться всем казакам вокруг своих Атаманов, бросить личные счеты и задаться единой мыслью о свержении ненавистного большевизма. Особенно обращался он с этим к фронтовикам. Говоря свою речь, он плакал, просил постоять и не отдать на разграбление родное Казачество пришлым проходимцам и лодырям, которые всеми фибрами души ненавидят казаков. Такой был наш Мамаев. Не вынесла твоя душа вида своих казаков в лишениях и ты ушел в небытие. Мир праху твоему, дорогой станичник!

Был вызван хор. Арзамасцев, которому было приказано вывезти пушки, за исключением двух более лучших, и уничтожить их. Они были брошены в лесу за деревней; были порублены спицы у колес, испорчены под'емные и поворотные механизмы, сняты затворы и слущены в речку Улуй. А как жаль было это делать, — они были нам родные и родные потому, что все они почти были добыты у неприятеля, заплачено за них казачьей кровью... После этого лошади были переданы в обоз. Поступило приказание всем казакам облегчить вьюки и из обоза выбросить ненужные вещи. Готовились к спешному отступлению.

От Ачинска армия вся уже была на лошадях. Кто добывал себе лошадь, тот ехал дальше, а у кого не было этого счастья, невольно оставался на милость врага. Теперь уже ехали Сибирским трактом. Шла вся артиллерия, тянулись обозы и беженцы; было уже много больных, завернутых пологами, шинелями, кошмами и чем попало. Утром, при выезде на дорогу поднимался шум, кричали своих; каждый торопился выехать на дорогу вперед; получалась толкотня, ругань, а иногда и драка; в результате — одни сани выворачивались на сторону и вываливалось все содержимое в санях, высыпались больные или дети, поднимался плач, но никто не обращал на это внимания. Достаточно отстать одной, двум подводам и они уже должны были ехать последними, — в средину никто не пустит и соединиться со своей частью можно только на ночлеге, а то и совсем затеряются, не находя своих частей.

Был уже декабрь месяц. День ото дня морозы давали себя знать все больше. На привалах и ночлегах квартир не хватало, а если и были, то на взвод одна квартира. Негде было осушиться; катанки были как деревянные и плохо грели; по нескольку дней казаки не раздевались; на белье появились насекомые; если попадали случайно в баню, так это считалось большим праздником. На одной из таких ночевок ординарцы нашего дивизиона после бани где-то добыли самогона, — тут было забыто не только вчерашнее горе, но даже давешнее. Задали песняка „За Уралом за рекой", пели „Конь боевой с походным вьюком у церкви ржет, кого то ждет" и др. Делились разными воспоминаниями.

— Вот мы сейчас поем песни, говорит ур. Шеметов, все забыли, сегодня мы сыты, веселы, а завтра не только мяса — может быть и хлеба не будет. Эх, жизнь наша!...

— Да вот, помянешь район Омска, отвечает ему ур. Ишимов — было всего, чего хочешь бери. Мне часто тогда думалось, знать народ с ума сошел, — вы ведь, помните? — сколько было всякого скота — вся степь была укрыта табунами; гнали на восток, а куда гонят — и сами не знают. Как саранча — все поедали на своем пути эти табуны: снопы, копны хлеба, сено, ну — словом — все... Были там киргизы, русские и татары... А скот какой жирный, а кони какие, а бараны?

— Что и говорить, была масляница, снова заговорил Шеметов. — Едем как-то по дороге и говорю табунщику: откуда, дядя, гонишь скот? — Оттуда, говорит, откуда и вы, — я тоже казак Оренбургский, Долгодеревенской станицы; вот собрались несколько дворов и гоним, а мои станичники уехали вперед. — Куда-же вы гоните свой скот? говорю ему. — Нам начальство сказало, что от Омска красных погонят обратно, вот и гоним. — Дай нам одного барана? говорю ему. — Бери хоть пять, для своего брата-казака не жалко... Чует мое, говорит, сердце, что пропадет наш скот, все это красная шпана заберет. Разорят они нас, казаков! А после Омска весь свой скот отдали в армию, ну а армия тоже гнала, гнала да и раздала по частям; давали десятками быков на каждую часть, хочешь — ешь, не хочешь — как хочешь.

— Наверно из наших станиц тоже так же гнали скот, проговорил молодой казак Щеглов, — догнали наверное до Кустаная и тоже бросили, а сами теперь сидят — ни лошади, ни коровы. Ну и житье — как вставай, так за вытье!

— Не волнуйтесь, ребята, наконец говорю я им, — слава Богу — сами живы и кони, а пословица говорится: „Конь подо мной, так и Бог надо мной", а то может быть и хуже, я вот ездил в Каинск, вы не знаете, что я там видел?

— А что такое? спросил старик Шеметов.

— Вот что: остановились мы тогда от гор. Каинска верстах в четырех в деревне; кто-то проговорился, что между Каинском и Барабинском (между ними верст

8) стоят эшелоны с беженцами и поезда дальше не идут. Вместе с пятью казаками я поехал, с целью узнать, нельзя-ли приобрести что-нибудь из продуктов. Но что же мы там видели? Все беженцы, которые могли идти, ушли пешком и увели детей по полотну Сибирской магистрали. Какова их судьба была в дальнейшем в этой угрюмой тайге, боюсь говорить, да и нетрудно угадать. Остальные люди, оставшиеся в эшелонах были мерзлыми. Они были больны и идти не могли, дров в вагонах не было; некоторые повыползали из вагонов и тут же лежали в разных позах... Кожу подирает у всякого, при виде такого страшного зрелища. Много будет пролито слез о них, но не будут знать, где их настигла смерть... Или, может быть, и плакать то некому будет? Эшелоны были обобраны и даже нашлись люди, которые с многих трупов сняли одежду, а о продуктах и говорить нечего. Вот что там было, а мы, пока живы, — духом падать не нужно. Ну, а теперь давайте, станичники, спать, хватит, — наговорились, завтра опять рано вставать.

Здесь-же в тайге, деревню не помню, в которой помер от тифа ординарец к-ра дивизиона, молодой, славный казак Трофим Крутов, пос. Георгиевского. По случаю дневки, хоронили его на лафете (как артиллериста).

Под'езжали к гор. Красноярску. Не доезжая последнего верст 15, остановились на улице одной деревни. Все квартиры были заняты и столько было народу разных частей, что деревню можно было сравнить с муравейником. Все куда то бегали, торопились, ругались. Люди и лошади были утомлены, несколько ночей не спали. Были посланы разведчики на поиски сена, каковое и было найдено верстах в двух от деревни в лесу; казаки поехали верхами с веревками, чтобы привезти вязанками. Сено привезли, но лошади его не ели и не потому, что оно было плохое, а они все устали и спали.

Вдруг разнесся слух — „большевики". Все люди забегали и зашумели еще сильнее и кто успел оседлать лошадь, ехал сам не зная куда. Все смешались. Кто искал свои части, а кто просто приставал к другой и ехал. Пушки наши были брошены прямо на улице. Кое как запрягли обоз, взяли с собой самое необходимое т. е. больных, кое какие продукты и канцелярию... Об'яты стадным инстинктом, ехали по первой попавшейся дорожке, лишь бы она вела на восток. Ехали всю ночь. Люди так были утомлены, что спали, сидя верхом на лошади. Я помню, ехал за людьми и вдруг просыпаюсь: лес шумит, темно, ничего не видно; почему то показалось страшно; только слышны отдаленные крики людей; конь стоит подо мной и тоже спит; дороги нет. Сколько я спал, не знаю; дернул коня и поехал обратно своим шляхом. Оказалось, что мой конь ушел с дороги в сторону сажен на 50. Поехал вперед, догнал — не свои; поехал дальше. К утру догнал своих; оказалось, что и с ними, как и со многими, была такая же история.

Вместо города Красноярска, угодили левее в деревню Дрокино, верстах в 6 или 7 севернее города. Был канун Рождества. Деревня была переполнена военными. Приняли в одной хате печь лепешки. Не подумайте, что пекли на сковороде и масле, нет!

Не успели перепечь тесто, слышим — стрельба. Трах-дзинь, трах-дзинь! Выбежали на двор, по коням и на улицу. Пули свистят. Люди закопошились на улицах; некоторых поранило; создалась паника. Стреляли с восточной стороны. Куда ехать? что делать? Все кинулись ближе к городу, лишь бы быть подальше от выстрелов. Оказалось, — красные под командованием товарища Щетинкина (бывший штабс-капитан), перед приходом нашей армии взяли город. Были там и наши солдаты, которые несли гарн. службу в городе, были больные и раненые, — все они очутились на стороне красных.

Город был окружен с трех сторон на несколько верст сплошной редкой цепью; выхода не было; мы сидели в мешке. Нужно было или сдаться на милость врагу, или же пробиваться сквозь цепи красных. Из Дрокино вся эта лава переехала в дер. Минькино. Деревня эта на возвышенном месте. Видно было, как большая часть обозов и всадников ехали в город. Значит, дальше ехать не хотят, особенно больные и солдаты. При проверке нашего дивизиона не оказалось: командиров 3 и 5 батарей, части офицеров, почти всех казаков 5 батареи, половины 3-й... Вышло, что половина людей ночью растерялась, — очевидно, ехали разными дорогами. По слухам, в Красноярске осталось войска более 40 тысяч.

(Окончание следует).

Казачьи настроения 1917—18 года в изображении советского писателя.

Отрывок из второй книги романа Мих. Шолохова „Тихий Дон". Часть V, глава II.

Мелехов Григорий в январе 1917 года был произведен за боевые отличия в хорунжие, назначен во 2-й запасный полк взводным офицером.

В сентябре он, после того, как перенес воспаление легких, получил отпуск; прожил дома полтора месяца, оправился после болезни, прошел окружную врачебную комиссию и вновь был послан в полк. После октябрьского переворота получил назначение на должность командира сотни. К этому времени можно приурочить и тот перелом в его настроениях, который произошел с ним вследствие происходивших вокруг событий и отчасти под влиянием знакомства с одним из офицеров полка — сотником Ефимом Изваринным...

С Изваринным Григорий познакомился в первый день приезда из отпуска, после постоянно сталкивался с ним на службе и вне службы и незаметно для самого себя подпал под его влияние.

Ефим Изварин был сыном зажиточного казака Гундоровской станицы, образование получил в Новочеркасском юнкерском училище, по окончании его отправился на фронт в 10-й Донской казачий полк, прослужил в нем около года, получил, как он говорил, „офицерский Георгий на грудь и четырнадцать осколков ручной гранаты во все подобающие и неподобающие места" и попал для завершения недолгой своей военной карьеры во 2-й запасный. Человек недюжинных способностей, несомненно одаренный, образованный значительно выше той нормы, которую обычно не перерастало казачье офицерство, Изварин был заядлым казаком-националистом, (Подчеркнуто нами, Ред.). Февральская революция встряхнула его, дала возможность развернуться, и он, связавшись с кругами самостийного толка, умело повел агитацию за полную автономию Области Войска Донского, за установление того порядка правления, который существовал на Дону еще до порабощения казачества Великороссией. Он превосходно знал историю, носил горячую голову, умом был ясен и трезв; покоряюще красиво рисовал будущую привольную жизнь на родимом Дону — когда править будет Державный Круг, когда не будет в пределах Дона ни одного русака, и казачество, имея на своих правительственных границах пограничные посты, будет, как с равными, не ломая шапок, говорить с Украиной и Великороссией и вести с ними торговлю и мену.

Кружил Изварин головы простодушным казакам и малообразованному офицерству. Под его влияние подпал и Григорий. Вначале у них происходили горячие споры, но полуграмотный Григорий был безоружен по сравнению со своим противником, и Изварин легко разбивал его в словесных боях. Спорили обычно где-либо в углу казармы, причем сочувствие слушателей клонилось всегда на сторону Изварина. Он импонировал казакам своими рассуждениями, вычерчивая картины бу-

дущей независимой жизни, — трогал наиболее сокровенное, лелеемое большею частью зажиточного низового казачества.

— Как же мы без России будем жить, ежели у нас, окромя пшеницы, ничего нету? — спрашивал Григорий.

Изварин терпеливо раз'яснял:

— Я не мыслю самостоятельного и обособленного существования одной Донской Области. На основах федерации, т. е. об'единения, мы будем жить совместно с Кубанью, Тереком и горцами Кавказа. Кавказ богат минералами, там мы найдем все.

— А каменный уголь?

— У нас под рукою Донецкий бассейн.

— Но ить он принадлежит России!

Кому он принадлежит и на чьей территории находится, — это еще вопрос спорный. Но даже в том случае, если Донецкий бассейн отойдет России, — мы очень мало потеряем. Наш федеративный союз будет базироваться не на промышленности. По характеру мы — край аграрный, а раз так, то для того, чтобы насытить нашу небольшую промышленность углем, мы будем закупать его в России. И не только уголь, но и многое другое нам придется покупать у России: лес, производства металлической промышленности, уголь и прочее, а взамен будем снабжать их высокосортной пшеницей, нефтью.

— А какая нам выгода отделяться!

Прямая. Прежде всего избавимся от политической опеки, восстановим свои уничтоженные русскими царями порядки, выселим всех пришлых иногородних. В течение 10 лет, путем ввоза из-за границы машин, так поднимем свое хозяйство, что обогатимся в десять раз. Земля эта — наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покоренные Россией, защищали четыреста лет ее интересы и не думали о себе. У нас есть выходы к морю. У нас будет сильнейшая и боеспособнейшая армия, и не только Украина, но и Россия не осмелится посягнуть на нашу независимость. Каково, а? Сказочная будет жизнь!

Среднего роста, статный, широкоплечий, Изварин был типичным казаком. Желтоватые, цвета недозрелого овса, вьющиеся волосы, лицо смуглое, лоб покатый белый, загар тронул только щеки и гранью лег на уровне белесых бровей. Говорил он высоким послушным тенором, в разговоре имел привычку остро ломать левую бровь и как-то по-своему поводить небольшим горбатым носом; от этого казалось, что он всегда к чему то принюхивается. Энергическая походка, самоуверенность в осанке и в открытом взгляде карих глаз отличали его от остальных офицеров полка. Казаки относились к нему с явным уважением, пожалуй, даже с большим, чем к командиру полка.

Изварин подолгу беседовал с Григорием, и тот, чувствуя, как вновь зыбится под его ногами недавно устойчивая почва, переживал, примерно, то же, что когда то переживал в Москве, сойдясь в глазной лечебнице Снегирева с Гаранжой (солдат — партийный рабочий. Ред.). Сопоставляя слова Изварина и Гаранжи, пытался, но не мог определить, на чьей стороне правота. Однако, как-то невольно для себя, подсознательно, воспринимал новую веру, критически пересматривал нечто, прочно отложившееся в сознании.

Вскоре после октябрьского переворота у них с Извариным происходил следующий разговор.

Обуреваемый противоречиями, Григорий осторожно расспрашивал о большевиках:

— А вот скажи, Ефим Иваныч, большевики потвоему, как они, — правильно али нет рассуждают?

Углом избочив бровь, смешливо морща нос, Изварин кхакал:

— Рассуждают? Кха-кха... Ты, милый мой, будто новорожденный... У большевиков своя программа, свои перспективы и чаяния. Большевики правы со своей точки зрения, а мы — со своей. Партия большевиков знаешь, как именуется? Нет? Ну, как же ты не знаешь? Российская социал-демократическая рабочая партия. Понял? Ра-бо-чая! Сейчас они заигрывают и с крестьянством и с казаками, но основное у них — рабочий класс... Ему они несут освобождение, крестьянству же — новое, быть может, худшее порабощение. В жизни не бывает так, чтобы всем равно жилось. Большевики возьмут верх, — рабочим будет хорошо, остальным плохо. Монархия врнется, — помещикам и прочим будет хорошо, остальным плохо. Нам не нужно ни тех, ни других. Нам необходимо свое, и прежде всего избавление ото всех опекунов — будь то Корнилов, или Керенский, или Ленин. Обойдемся на своем поле и без этих пеших фигур. Избавь, Боже, от друзей, а с врагами мы сами управимся. (Везде подчеркнуто нами. Ред.).

— Но большинство казаков за большевиков тянут... знаешь?

— Гриша, ты, дружок, вот что — это основное: сейчас казаку и крестьянину с большевиками по пути. Знаешь, почему?

— Ну?

— Потому... — Изварин крутил носом, округляя его, смеялся. Потому, что большевики стоят за мир, за немедленный мир, а казакам война вот где сидит!

Он звонко шлепал себя по тугой смуглой шее и, выравнивая изумленно вздыбленную бровь, кричал:

— Поэтому казаки пахнут большевизмом и шагают с большевиками в ногу. Но-о-о, как только кон-чит-ся вой-на, и большевики протянут к казачьим владениям руки, — пути казачества и большевиков разойдутся! Это обосновано и исторически неизбежно. Между сегодняшним укладом казачьей жизни и сицализмом — конечным завершением большевицкой революции — непроходимый Рубикон, пропасть... А?

— Я говорю... — глухо бурчал Григорий, — што ничево я не понимаю... Мне трудно в этом разобраться... Блукаю я, как метель в степи...

— Ты этим не отделаешься! Жизнь заставит разобраться, и не только заставит, но и силком толкнет тебя на какую-нибудь сторону.

Разговор этот происходил в последних числах октября. А в ноябре Григорий столкнулся с другим казаком, сыгравшим в истории революции на Дону не малую роль, — столкнулся Григорий с Федором Подтелковым, и после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда.

В этот день изморозный дождь сеялся с полдня. Перед вечером прояснело, и Григорий решил пойти на квартиру к станичнику, подхорунжему 28 полка Дроздову. Четверть часа спустя он уже вытирал о подстилку сапоги, стучался в дверь квартиры Дроздова. В комнате, заставленной тщедушными фикусами и потертой мебелью, кроме хозяина, сидел на складной офицерской койке, спиной к окну, здоровый, плотный казак с погонами вахмистра гвардейской батареи. Ссутулив спину, он широко расставил ноги в черных суконных шароварах, разложил на круглых широких коленах такие же широкие рыжеволосые руки. Гимнастерка туго облегала его бока, морщинилась подмышками, чуть не лопалась на широченной выпуклой груди. На скрип двери он повернул короткую полнокровную шею, холодно оглядел Григория и захоронил под пухлыми веками, в узких глазницах, прохладный свет зрачков.

— Обзнакомьтеся. Это, Гриша, почти сосед наш, усть-хоперский, Подтелков.

Григорий и Подтелков молча пожали друг другу руки. Садясь, Григорий улыбнулся хозяину.

— Я наследил тебе — не будешь ругать?

— Не, не бойсь. Хозяйка затрет... Чай будешь пить?

Хозяин — мелкорослый, подвижной, как вьюн, щелкнул самовар обкуренным, охровым ногтем, посожалел:

— Холодный придется пить.

— Я не хочу. Не беспокойся.

Григорий предложил Подтелкову папиросу.

Тот долго безрезультатно пытался ухватить белую плотно вжатую в ряд трубочку своими крупными красными пальцами, багровея от смущения, досадливо сказал:

— Не ухвачу никак... Ишь ты, проклятая!

Он наконец-то выкатил на крышку портсигара папиросу, поднял на Григория прижмуренные в улыбке,

от этого еще более узкие, глаза. Григорию понравилась его непринужденность, спросил:

— С каких хуторов?

— Я сам рожак с Крутовскова, — охотно заговорил Подтелков. — Там произростал, а жил в последнее время в Усть-Калиновском. Крутовский-то вы знаете — слыхал, небось? Он тут почти рядом с еланской гранью. Плешаковский хутор знаешь? Ну, а за ним выходит Матвеев, а рядом уж нашей станицы Тюховновский хутор, а дальше и наши хутора, с каких я родом: Верхний и Нижний Крутовский.

Все время в разговоре он называл Григория то на „ты", то на „вы", говорил свободно и раз даже, освоившись, тронул тяжелой рукой плечо Григория. На большом, чуть рябоватом выбритом лице его светлели заботливо закрученные усы, смоченные волосы были приглажены расческой, возле мелких ушей взбиты, с левой стороны чуть курчавились начесом. Он производил бы приятное впечатление, если бы не крупный приподнятый нос да глаза. На первый взгляд не было в них ничего необычного, но, присмотревшись, Григорий почти ощутил их свинцовую тяжесть. Маленькие, похожие на картечь, они светили из узких прорезей, как из бойниц, приземляли встречный взгляд, влеплялись в одно место с тяжолой мертвячьей упорностью.

Григорий с любопытством присматривался к нему, отметил одну характерную черту: Подтелков почти не мигал, он упирал в собеседника свой невеселый взгляд, говорил, переводя глаза с предмета на предмет, причем куценькие обожженные солнцем ресницы его все время были приспущены и недвижны. Изредка лишь он опускал пухлые веки и снова рывком поднимал их, нацеливаясь картечинами глаз, обегая ими все окружающее.

— Вот любопытно, братцы! — заговорил Григорий, обращаясь к хозяину и к Подтелкову. — Кончится война — и по новому заживем. На Украине Рада правит, у нас — Войсковой Круг.

— Атаман Каледин, — вполголоса поправил Подтелков.

— Все равно, какая разница?

—Разницы то нету, — согласился Подтелков.

— России-матушке мы теперь низко кланялись, — продолжал Григорий пересказ речей Изварина, желая выведать, как к этому отнесутся Дроздов и этот здоровила из гвардейской батареи. — Своя власть, свои порядки. Хохлов с казачьей земли долой, протянем границы — и не подходи! Будем жить, как в старину наши прадеды жили. Я думаю, революция нам на-руку. Ты как, Дроздов?

Хозяин заюлил улыбкою, резвыми телодвижениями.

— Конечно, лучше будет! Мужики нашу силу переняли, житья за ними нету. Штой-то за черт — наказные атаманы все какие-то немцы — фон-Таубе да фон-Граббе, да разные подобные! Земли все этим штаб-офицерам резали... Теперь хучь вздохнем.

— А Россия с этим помирится? — ни к кому не обращаясь, тихо спросил Подтелков.

— Небось, помирится, — уверил Григорий.

— И будет одно и то же... Тех же щей, да пожиже влей.

— Как это так?

— А точно так, — Подтелков проворней заворочал картечинами глаз и без разбега кинул лобовой грузный взгляд на Григория.

— Так же над народом, какой трудящийся, будут атаманья измываться. Тянись перед всяким их благородием, а он тебя будет сланивать по сусалам. Тоже... Прекрасная живуха... камень на шею, да с яру! Григорий встал. Отмеряя по тесной горенке шаги, несколько раз касался расставленных колен Подтелкова, остановившись против него, спросил:

— А как же?

— До конца.

— До какова?

— Штоб раз начали — значит борозди до последнева.

Раз долой царя и контрреволюцию, — надо стараться, штоб власть к народу перешла. А это — басни, детишкам утеха. В старину прижали нас цари, и теперь не цари, так другие — прочие придавют, аж запишшим!..

— Как же, Подтелков, по-твоему?

И опять забегали, разыскивая простор в тесной горенке, тяжолые на под'ем глаза-картечины.

— Народную власть... выборную. Под генеральскую лапу ляжешь, — опять война, а нам это лишнее. Кабы такая власть кругом, по всему свету, установилась: штоб народ не притесняли, не травили на войне! А то што ж?! Худые шаровары хучь на изнанку выверни, — все одно те же дыры. — Гулко похлопав ладонями по коленям, Подтелков зло улыбнулся, раздел мелкие несчетно-плотные зубы. — Нам от старины подальше, а то в такую упряжку запрягут, што хуже царской обозначится.

Григорий, хватая рукою в воздухе что-то неуловимое, натужно спросил:

— Землю отдадим? Всем по краюхе поделим?

— Нет... зачем же? — растерялся и как будто смутился Подтелков. — Землей мы не поступимся. Промеж себя, казаков, землю переделим, помещицкую заберем, а мужикам давать нельзя. — Их шуба, а нас — рукав. Зачни делить, — оголодят — нас.

— А править нами кто будет?

— Сами! — оживился Подтелков. — Заберем свою власть вот тебе и правило. Лишь бы подпруги нам зараз чудок отпустили, а скинуть Калединых сумеемся!

Остановившись у запотевшего окна, Григорий долго глядел на улицу, на детишек, игравших в какую-то замысловатую игру, на мокрые крыши противоположных домов, на бледно-серые ветви нагого осокоря в полисаднике и не слышал, о чем спорили Дроздов с Подтелковым; мучительно старался разобраться в сумятице мыслей, продумать что-то решить.

Минут десять стоял он, молча вычерчивая на стекле вензеля. За окном, на уровне с крышей низенького дома предзимнее, увядшее тлело в закате солнце: словно ребром поставленное на ржавый гребень крыши, оно мокро багровело, казалось, что вот-вот сорвется, покатится по ту или эту сторону крыши. От городского сада, прибитые дождем, шершавые катились листья и, налетая с Украины, с Луганска, гайдамачил над станицей час от часу крепчавший ветер...

Приведенная глава из романа Мих. Шолохова „Тихий Дон" в высокой степени интересна тем, что она показывает первое столкновение двух основных идей, родившихся в казачьей среде в результате европейской войны и русской революции. Вернее — не идей, а двух идеологий, двух систем идей.

Первая из них родилась, а вернее возродилась на родной почве, в горячей трезвой и талантливой голове молодого казака Ефима Изварина, интеллигента-офицера, выходца из народной казачьей толщи. Это — казачья национальная идеология, идеология национального и государственного возрождения казачества.

Вторая — большевицкая, чужеродная, наносная, привившаяся фронтовому казачеству на почве крайней усталости от войны и под влиянием большевицкой агитации, спекулировавшей именно на этой усталости. Ее представителем является Федор Подтелков, простой рядовой казак, более старшего поколения, человек с душою, озлобленною против „генералов" и их противонародной дворянской власти.

Григорий Мелехов, — центральная фигура всего романа, — являющийся типическим представителем массового донского фронтового казачества, находится под воздействием обоих идеологий. Хотя ему и не по силам сразу ясно разобраться в том, где же настоящая правда, в душе он все же чувствует, что доводы Изварина гораздо более ясны, точны и основательны, чем доводы Подтелкова. Однако, недоверие к генералам, к их дворянско-старшинской политике, а главное — быстро развивающиеся события в ст. Каменской, которые приводят к образованию военно-революционного комитета из казачьих воинских частей, захлестывают его чувством стадности, и он становится на сторону Подтелкова.

Это его дивизион, сделав удачное обходное движе-

ние, нападает с фланга на цепи Чернецова под Глубокой и тем решает исход боя в пользу Голубова и военно-революционного комитета. Но сам он ранен в ногу, и его увозят в штаб комитета. Встретившийся ему по дороге Голубов сообщает, что Чернецов разбит наголову и взят в плен вместе с 40 бойцами. Вместе с тем, Голубов просил его передать Подтелкову, что он берет на поруки Чернецова. Подтелков, однако, и слышать не хотел ни о каких поруках, и, как только подвели пленных, собственноручно зарубил Чернецова и тут же приказал порубить и всех остальных пленников. Возмущенный такой дикой и злобной расправой с пленными, несмотря на рану, Мелехов бросился с наганом на Подтелкова, но был схвачен и обезоружен.

Через 2 недели Мелехов бросил большевиков и уехал домой, а через 6 месяцев он уже действует на стороне восставших против советской власти казаков и, присутствуя при казни пойманного Подтелкова, напоминает ему расправу с пленными.

Так в ходе бурных событий, ожесточенной борьбы и практической политики казачья фронтовая масса (в лице Григория Мелехова) решала вопросы идеологии.

Действовала тогда еще и третья идеология. Она не открывала своего лица, не говорила о себе словами, не претендовала на широкое распространение среди широких казачьих масс, ибо носители ее прекрасно понимали и видели, что казачество в массе против нее и боится ее торжества. Это — дворянско-старшинская или, говоря языком фронтовиков, генеральская идеология. Старшина не пропогандировала своих идей, но масса казачья, особенно фронтовики, легко и ясно видела их в ее действиях и поступках. О своей идеологии старшина заговорила открыто лишь тогда, когда ей показалось, что массовое казачество достаточно крепко прибрано ею к рукам и когда успехи на противобольшевицком фронте несколько вскружили ей голову. Учитывая массовые настроения казачества, Красновы и Денисовы (потом — Харламовы, Мельниковы, Богаевские и Филимоновы) хорошо маскировались под них, особенно вначале, но суть их действительных стремлений постепенно стала обнаруживаться в их газетах, в некоторых подготовительных действиях и в их плане войны (на Москву).

И как только это выявилось с достаточной определенностью и дошло до фронта, фронт заболел „пограничной болезнью“, — страхом перед возможным торжеством старшинско-дворянской идеологии и, как реакция против нее, — „большевизанство“ некоторых боевых частей и переход их на сторону врага.

Таким образом дворянско-старшинская идеология в 1917—20 г. г. была тем пугалом, в страхе перед которым фронтовое казачество бросалось даже в еще худшие об'ятия большевиков.

Приведенная нами глава из романа интересна еще и в том отношении, что вносит некоторую „фактическую поправку“ в утверждения наших противников, будто самостийничество в среде казачества зародилось только в „нездоровых условиях эмигрантского существования“. Теперь мы видим, что даже советский писатель устанавливает, что самостийная идеология была настолько широко распространена среди массового донского казачества, что являлась в сущности единственной идеологией, противостоявшей идеологии большевицкой. Роман Мих. Шолохова показывает, что страшной для большевиков была не дворянско-старшинская идеология, а идеология казачья национально-самостийная, идеология Ефима Изварина.

И мы целиком стоим на точке зрения Изварина, иначе решая лишь вопрос иногородний.

(Роман Шолохова „Тихий Дон“ должен был выйти в 4-х книгах. До сего времени вышли только первые две книги, имевшие большой успех. Но, кажется, продолжение этого романа большевиками уже запрещено).

Ф. Воропинов.

Думы и мысли.

В. Орехов.

* * *

Кругом снега... Мятель уныло воет;
В станицах тихо; скован Дон;
Не ржут уж боевые кони;
Лишь слышно карканье ворон...
Там ужас бродит по домам,
Покой и счастье гонит прочь...
И даже звезды светят скупо
В эту февральскую ночь.
О, край родной, кто волей черной
Тебя сейчас заворожил?
Где казаков твоих задорный
Дух и порыв народных сил?
Где песни вольности и удаль
И сабель огненная сталь?
— Народ спасенья ждет оттуда,
Где запада синеет даль...
Крепись, мой край,
Насилье правда сломит!
Надейся Дон. Терпи в снегу,
Пока раскат святого грома
Не прозвучит на берегу.

От редакции.

Редакцией „В. К.“ получено письмо от атамана Донской станицы в Париже следующего содержания:

Г-ну редактору журнала „В. К.“.

В № 78 журнала „В. К.“ помещена статья Ш.Ниминова о Всеказачьем с'езде, которая по моему мнению принесет весьма плохую услугу для Вольно-казачьего дела. Всем известно, что всякое дело государственного масштаба не строится на гроши, собираемые от разбросанных по белу свету эмигрантов, а изыскиваются средства среди иностранных правительств. Если же собирать деньги среди казаков на восстановление Казакии, то это дело мертвое, потому что казаки едва зарабатывают на свое пропитание. По рецепту г-на Ниминова, который, вероятно и Вами разделяется, т. к. вы напечатали его статью без всякого редакционного примечания, казакам надо ждать вождя или найти его, а потом поддерживать его и морально и материально. В данный момент руководителем вольно-казачьего движения являетесь Вы, следовательно надо поддерживать Вас, а самим сидеть и ждать у моря погоды. Такое положение не соответствует лозунгу: „Судьба Казачества — в его собственных руках“. Эта программа применяется монархистами, а для нас, казаков, она не подходит. Организовывая в Париже станицу, я согласно лозунгу „В. К.“, прямо и определенно указал, что мы, казаки, можем достигнуть реальных результатов только через общеказачий с'езд, который выберет полномочный орган, каковой от лица Казачества будет вести переговоры с иностранными правительствами о восстановлении Казакии.

Деньги не могут служить препятствием, для созыва с'езда, т. к. казаки не хуже русских, которые созвали зарубежный с'езд и для которых была возможность найти на это дело средства, а вот казакам это почему-то невозможно? Если мы не способны собрать казачьего с'езда, то как же мы можем сделать такое огромное дело, как восстановление Казакии? Тогда нечего и огород городить, предоставив все пресловутой Милюковской эволюции.

На меня и на всю станицу статья произвела очень нехорошее впечатление, а поэтому я спешу с просьбой к Вам, дать на статью г. Ниминова исчерпывающее раз'яснение.

С почтением Атаман **А. Лысенков.**

16-4-31.

Редакция „В. К." должна заявить следующее: вопрос о всеказачьем с'езде поднят некоторыми нашими читателями еще в прошлом году. Уже тогда в отделе „Думы и мысли" некоторые из них высказались по этому вопросу.

Поднятый вопрос — вопрос большой, сложный и ответственный, а, к гому же, весьма трудный в смысле практического осуществления. Нет ничего поэтому удивительного в том, что могут существовать по такому вопросу и разные мнения среди вольных казаков. Исходя из этих соображений редакция и дает возможность в отделе „Думы и Мысли" откровенно высказаться представителям разных точек зрения. (Это видно из того же номера 78, где рядом со статьей Ниминова помещено и письмо Тырина).

В свое время мы позволим себе высказаться по существу поднятого вопроса о с'езде особо.

Одновременно даем возможность г. Ниминову еще раз высказаться по этому поводу.

По вопросу о Всеказачьем с'езде.

Ввиду того, что моя заметка в номере 78, по этому же вопросу, вызвала письмо атамана Парижской Донской станицы с выражением некоторого неудовольствия, я считаю нужным еще раз возвратиться к этой теме и дать более подробные пояснения к своей первой заметке и ответить по содержанию упомянутого письма атамана ст. г-на Лысенкова.

Прежде всего должен сказать, что моя заметка была помещена, как и эта, в отделе „думы и мысли", который является свободной вольно-казачьей трибуной, где каждый вольный казак имеет возможность свободно трактовать тот или иной, интересующий его вопрос и за каковые редакция ответственности, в смысле разделения или неразделения того или иного мнения, не несет. Таким образом, одно утверждение г-на Лысенкова, что и редакция разделяет мнение Ниминова, уже ошибочно. Редакция „В. К." могла разделять, но могла поместить и не разделяя, желая дать возможность казакам поговорить по интересующему их вопросу.

Посылая в редакцию свою первую заметку я ожидал, что она многим не понравится и многих, может быть, разочарует в их ожидании Всеказачьего с'езда, ибо я чувствую, как казаки ждут этого с'езда и знаю, какую надежду они на него возлагают. Не с легким сердцем я писал, ибо никому не приятно разрушать то, во что люди с основанием или без основания верят, но я счел себя обязанным высказать по этому вопросу свое откровенное мнение, так как считаю, что вера вызванная заблуждением бывает и вредна.

По моему, если атаман станицы, организовывая станицу, уверил казаков, что соберется Всеказачий с'езд, найдет иностранную помощь и освободит родину, то сделал большую опрометчивость. Я бы на его месте так не говорил, ибо ничего нет хуже, как посулить людям несбыточные обещания, в результате которых наступает разочарование.

Каждый из нас, прежде чем говорить о с'езде, непременно должен подумать над тем, как собрать такой с'езд, кто созовет, из кого созовет и для чего созовет. Без этого было бы совершенно легкомысленным об этом говорить.

Свою заметку с этой целью я написал, чтобы казаки подумали над этими вопросами, связанными со с'ездом. И если г-н Лысенков говорит, что „деньги не могут служить препятствием для созыва с'езда", то слава Богу, ибо я не против созыва с'езда, а только говорю о трудностях, связанных со с'ездом о том, что, с моей точки зрения, в данном нашем положении, трудности эти непреодолимы и, принимая во внимание данную международную ситуацию, созыв с'езда с таким материальным напряжением считаю излишней роскошью. Он пока не нужен, ибо в данном, разбродном состоянии казачьего общественного мнения ничего положительного он нам не даст.

Вера же тех казаков, которые думают, что наше освобождение зависит только от того, как скоро соберется эмигрантский с'езд, выразит свое желание и обратится к той или иной державе с соответсвующей просьбой, основана на политической неосведомленности.

Правда, освобождение того или иного угнетенного народа редко проходит без посторонней дружеской помощи, но для этого должны быть на лицо следующие условия: 1) Четко выявленное желание этого народа освободиться, бороться за свою свободу, жертвовать за это своим достоянием и жизнью; 2) Соответствующая международная обстановка; 3) Наличие сильных и подготовленных союзников, которые, ради собственного интереса, могли бы на международном форуме отстаивать освобождение данного народа и 4) Соответствующее „плохое" состояние фактора, который заинтересован в дальшем закабаленном состоянии данного народа, борющегося за свое освобождение, т. е., чтобы то, что мешало нашей свободе, оказалось бы не в силах мешать. Поясним эти положения примерами: Если бы польский, чехословацкий, эстонский и др. народы, добившиеся на наших глазах самостоятельности, не вели бы уже сотню лет перед тем, из поколения в поколение борьбу за свою свободу, и если эта борьба не была бы хорошо известна внешнему миру, и если все эти народы не приняли бы активного участия в минувшей войне, удачно ориентировавшись на сторону победивших держав, то они не были бы свободны в наши дни. Таким образом, в освобождении указанных народов было стечение всех указанных четырех факторов. Надо полагать, что дело казачьего освобождения потребует таких же приблизительно условий, хотя бы и не всех.

Мы, вольные казаки, т. е. наше национальное движение находится на путях к созданию первого условия — выявления массового пробуждения казачьего национального самосознания и проникновения этого его желания в мировое общественное мнение. Думается, что кое-что в этом отношении уже наше движение достигло, но, все же, немного. Много нам еще надо работать, много нужно проявить жертвенности, необходимо иметь собственный, нами выдерживаемый печатный орган, не только для нас, но и на иностранных языках для иностранцев, как первое средство быть услышанным миром о нашем желании.

Одним из окрыляющих нас факторов в нашей борьбе за свою свободу может служить наличие четвертого фактора из мною перечисленных, как способствующего успеху национального движения, и возможность наличия заинтересованных в нашем освобождении союзников. Но сейчас нет соответствующей международной коньюнктуры. Поэтому, нашей первой задачей должна быть пока работа над развитием, укреплением и расширением казачьего массового импульса к борьбе за свою национальную свободу и попытки над внедрением этого стремления в сознание внешнего мира.

Для этого надо иметь орган печатной пропаганды и всем, кто только может, вести устную пропаганду. Созыв же в неподготовленном состоянии с'езда, на котором мы публично расколемся на разные лагеря, только может продемонстрировать наше неединомыслие в деле понимания своего будущего бытия, а может быть и своей национальной сути. Такой с'езд, кроме вреда и материальных затрат, ничего не даст. Думать же о том, что какая-то иностранная держава возьмет и отвалит нам деньги на созыв какого-то с'езда, который неизвестно, что будет делать и в каком направлении пойдет, конечно, могут люди только политически неопытные.

Ни один народ еще не освобождался другими в порядке благотворительности или из-за присущего ему того или иного качества, а только в силу того, что этот народ представлял из себя интерес в том или ином смысле. И нам, чтобы представлять из себя хоть какой интерес, надо быть организованными, а потому и сильными. Народ же, который не имеет еще даже самоокупаемого печатного органа, ясно, что не силен. Правда, у нас есть казачий печатный орган, издаваемый на наши войсковые средства, но, если мир будет знать о нас через этот орган, то представление о нашем желании будет для нас как раз невыгодное. Это — результат того, что судьба Казачества в свое время была вручена лицам, чуждым казачьим интересам. Та-

кие случаи бывают, когда самосознание народа убито до состояния непонимания своих интересов или в результате ошибочного представления о суб'екте, в руки которого вручается право говорить от имени данного народа. В отношении Казачества в недалеком прошлом могли иметь место оба случая.

Борьба угнетенного народа за свое освобождение настолько серьезное и трудное дело, что каждый, кто борется и приобщается к этой борьбе, должен быть всегда готовым десятки лет работать и умереть, рискуя не дождаться результатов, передав знамя борьбы следующему поколению. Если только присмотреться к истории всех народов, когда-то терявших свою самостоятельность и опять добившихся освобождения (поляки, чехи, болгары, сербы, финны и т. д.), то мы воочию убедимся в этом. Те же будители национальной мысли и национальные политические деятели, которые думают это дело сделать в два счета, иначе и совсем „огород не городить" — слабые националисты. Националист, понимающий всю трудность борьбы и тем не менее идущий на это дело, не станет связывать свою работу с возможностью или невозможностью созыва того или иного с'езда. Мы, вольные казаки, можем желать созыва с'езда, но должны знать, что он будет созван, когда к тому будут необходимые условия и, главное, требование дела. А кроме того, должны быть готовы созвать и выдержать такой с'езд на свои казачьи средства, а не ожидать откуда-то посторонних денег.

Пусть каждый из нас знает о трудности нашей борьбы, с открытыми глазами подойдет к этому делу, пусть будет нас меньше, но надо, чтобы это были люди, готовые на трудную, долгую и, может быть, при нашей жизни неосуществимую борьбу. Никаких ложных лозунгов, никаких несбыточных обещаний, материальных и моральных, в нашем деле нельзя пускать в ход. Чтобы не было таких ошибок, всем казакам и всем группам, желающим делать полезное дело, надо держать связь с центром и получать указания. Казаки, знающие толк в военном деле, должны знать ценность управления и однообразия действий. Наше дело тоже — война.

Заканчивая свою краткую заметку, я должен уверить, что никого я здесь не имел ввиду задевать; лад между нами нужен большой и крепкий; то, что станичник Лысенков откликнулся на мою первую заметку, считаю полезным; обсуждать откровенно свои дела нам надо; надо уметь при этом и спокойно друг друга выслушивать. Если кто откликнется еще, это будет не вредно. В „Вольном Казачестве" есть отдел „Думы и мысли", в котором мы можем откровенно разговаривать.

Ш. Ниминов.

Кто и чему возрадовался.

В третьем номере журнала „Родимый Край" некто, под инициалами Н. М. М., дал заметку „Казакия и Украина", в которой автор, с нескрываемой радостью, возвещает о шероховатостях, возникших во взаимоотношениях между вольными казаками и некоторыми группами украинцев.

Современная жизнь человеческаго общества, больше чем когда либо, полна всяческих разногласий. Не составляют исключения в этом отношении даже народы, имеющие свои столетиями существующие государства; они тем более неизбежны в жизни таких народов, как казаки и украинцы, которые находятся в горячечной стадии отвоевания или защиты своих национальных интересов. Тут, действительно, многие и часто теряют хладнокровие и из мухи делают слона, думая, что этим делают дело освобождения своего народа, зачастую неведая об истинных последствиях своих поступков. Но я, в этой краткой заметке вовсе не хочу делать разбора казаче-украинских разногласий. Думаю, что эти разногласия не так уж и велики и дело до „гроба" еще далеко, а если и есть какие несогласия, то они, во всяком случае, не так уж неразрешимы к обоюдному удовлетворению, если только и у казаков и тем белее у начавших „разговоры" украинцев „собака не с'ела ум", как говорят калмыки.

Меня больше всего заняло то, как Н. М. М. об этом пишет, с какой радостью и самодовольством; прямо, что называется, беднягу распирает; сто восклицательных знаков готов поставить; особенно, когда говорит о том, как и что он уже предсказывал. Поздравляя автора с новой, дотоле неизвестной способностью — предугадывания, не могу не обратить внимания на один штрих в его заметке. Парень, видимо, не так-то дурак. Он, видите ли, не только прыгает от радости, но делает при этом кое-что и для того, чтобы поспособствовать углублению этих разногласий между частью украинцев и вольными казаками. Он подсовывает, на случай, если попадутся неискушенные украинцы, готовую мотивировку для украинцев в их тоне, взятом по отношению к вольному казачеству. Он намекает, что, вот, если будет свободное казачество, то оно в нужный момент может воткнуть нож в спину Украины и что свободная Казакия нужна будет как фактор, могущий уменьшать аппетиты Украины в собирании своих частей и что потому, украинцам не выгодно иметь соседом свободное Казачество и пр.

Это хитро, конечно, но не для всех. Меня это очень даже развеселило, ибо я вспомнил, читая эту заметку, о своем детстве... Когда было мне 8—9 лет, были у меня два товарища — Манджик и Санджик, моложе меня годика на два; и вот, любил я стравить их в драку и смотреть. Бывало захочется мне, чтобы они подрались, сейчас же я, улучив минуту, говорю: „Ты что это, Манджик, кривишь губы на Санджика, думаешь он хуже тебя? знаешь какой силач его отец?" И начинают бывало бедняги переругиваться сперва, а через несколько минут тузят друг друга, а я с радостью разнимая их, как будто, и, придерживая то одного, то другого, даю каждому наносить другому удары и не допускаю решительного преобладания одного над другим.

Думаю, что станичники и также украинцы не окажутся на положении этих мальчиков и не станут зря ломать копья на смех врагам. А враг действительно смеется. Правда, что между нами (украинцами и казаками) всякий спор есть затруднение в деле нашей борьбы за свободу и этому затруднению первым долгом, бывают рады враги Казачества и Украины в одинаковой степени. Автор заметки, Н. М. М., явный враг Казачества, не думается, чтобы он был друг и Украины. Всякие споры между нами — масло в огонь врагов, который может пожаром захватить и нашу, еще не добытую, свободу. Это должны помнить и украинцы и казаки.

Ш. Ниминов.

Редактор „В. К." получил следующее письмо от генерального секретаря недавно учрежденной Английской Лиги по борьбе с религиозными преследованиями и рабским трудом в Стране Советов профессора Wilden-Hart'a:

Многоуважаемый г-н Редактор,

Позвольте мне поблагодарить Вас за то, что Вы почтили нашу Лигу присылкою Вашего воззвания. Пользуюсь этим случаем для того, чтобы выразить Вам симпатии наши к казакам, которые так ужасно страдают под большевицким режимом. Наша Лига основана для борьбы против большевизма в России и других странах; мы надеемся, что удастся создать такую атмосферу общественного мнения в Англии, что всякого рода взаимоотношения между цивилизованными странами и советской Россией будут прекращены. Члены нашей Лиги полагают, что этим путем может удастся наиболее успешно обезвредить дурные результаты большевизма как в России, так и в остальном свете.

При сем прилагаю подробные сведения о Лиге, участие Ваше в которой мы бы очень приветствовали.

Честь имею оставаться Вашим единомышленником, проф. В. I. Wilden-Hart.

Лондон, 8 апреля, 1931.

„Политика“ на „Place Nationale“.

„За мною, кто сродни мне. Рабья жизнь не стоит мгновения мятежной воли. Я дам свои крылья — мужеству, свой гнев — решимости, силу моего полета — мысли, не ведающей трепета, мое счастье и удачу — безумию... За мною... За мною!“

Это небольшая площадь у главных ворот завода Рено. По иронии судьбы она носит название „национальной“, но к ней гораздо больше пристало бы название „интернациональной“, ибо на этой площади с раннего утра до поздней ночи бывает скопление представителей „всех племен и наречий“: алжирцы и русские, поляки и испанцы, итальянцы и китайцы, казаки и чехословаки, сербы и португальцы, калмыки и мадьяры и т. д. и т. п. На этой французской „национальной площади“ меньше всего слышится французская речь.

В зимний период сильной безработицы, когда завод Рено, являющийся „источником жизни“ большинства этого „интернационального народа“, рассчитал тысячи своих рабочих, обычно шумная жизнь муравейника-площади сильно, было, замерла; скандально-буйная rue Traversier, на которой имеются „рестораны“ многих народов Европы (но только не французского), сильно, было, притихла; тяжелый пресс нужды придавил и успокоил многие отчаянные головы, принадлежащие различным народам, голод и холод задавили жизнь..

Но, наступила весна, пришли теплые солнечные дни. Очевидно в связи с этим и „настроение“ Рено улучшилось и он начал принимать рабочих в большом количестве, что явилось большим „праздником“ для эмигрантского люда, тяжелым, но честным физическим трудом, добывающего насущный кусок хлеба.

И затихшая, было, жизнь на „Place Nationale“ уже начинает „бить ключем“ и наверно скоро и рестораны на rue Traversier начнут бойко работать...

Сойдя с трамвая, направляюсь к заводу Рено. Его серые и мрачные, длинные, тянущиеся на несколько кварталов корпуса для многих чающих работу являются ныне каким то светлым маяком на фоне общей нужды и к нему тянутся со всех концов Парижа. В моменты хорошего „настроения“ Рено, на всем протяжении главного корпуса завода и на площади Насиональ толпятся всевозможные фокусники и торговцы с лотков и энергично зазывают к себе клиентов-рабочих.

Площадь-муравейник уже начинает „бурлить“. Медленно пробираюсь между толпой. Стоит группа русских и оживленно, с энергичными жестикуляциями, беседуют. Слышу:

— Знаешь, Ваня, почему Рено стал принимать рабочих? Говорят — будет принимать 13 тыс. человек.

— Не знаю. Наверно, обычное весеннее оживление...

— Нет, брат. Тут совсем другое. Польша и Румыния дали большой заказ на тракторы и броневики. Говорят, что Рено получил заказ на 40 тыс. машин и заказ очень срочный. Вот почему так спешно и принимаются рабочие...

— Да, ну? Неужели война?

— А что же ты думаешь — на броневиках по курортам будут раз'езжать? Конечно, война. Большевики решили внезапным военным налетом „расскассировать“ Польшу и Румынию... Вот последние, готовясь к обороне, спешно дали военный заказ...

— И на самом деле может „каша“ завариться! И не только с востока, но и с запада. Мой приятель мне рассказывал, что и патронный завод что-то усиленно заработал. А недавно из Вердена получил письмо. Оказывается, все те военные казармы, в которых мы жили, когда работали там по сбору снарядов, теперь приведены в порядок и все заполнены воинскими частями, что все пограничные крепости приводятся в порядок... Ей Богу, что то готовится...

А что же ты думал, что все эти слова о мире всего мира напрасно говорились? „Если хочешь мира — готовься к войне“. А они это переставили и делали: если хочешь войны — готовься к миру...

— А сколько машин в день выделывает Рено?

— Не знаю. Ситроен, я знаю, раньше выделывал по 500 машин в день. Но у него основного капитала в пять раз больше, чем у Рено. А раз у него капиталу в пять раз меньше, то наверно и машин выпускает во столько же меньше, значит, примерно, сто машин в день...

— Нет, не может быть! Наверно больше...

— А для чего это ты спрашиваешь?

— Чудак же ты! Надо же выяснить — на сколько времени хватит работы у Рено? Раз, как ты говоришь, он получил заказ на 40000 машин, а выделывает в день по 100 машин, то работы хватит на 400 дней. Больше, чем на год. Это хорошо. Только не ошибаешься ли ты — может он больше выделывает?

— Не ручаюсь, но наверное не больше 200. И тогда работы хватит на полгода...

— Значит, живем!

Иду дальше. О чем только здесь не говорят люди, собравшиеся на этой площади! Их интересует буквально все на свете. Они с одинаковой уверенностью и „знанием“ дела говорят о больших мировых событиях и о мелочах жизни, об уличных сплетнях. Здесь можно услышать беседу о „высокой мировой политике“, о том, кто собирается купить в рассрочку участок земли, заняться куроводством; кто сегодня собирается идти попытать счастья в очко; кто с какой дрожью держал экзамен на звание таксиста, вплоть до того — как бы найти „порядочную“ женщину — подругу жизни...

Встречаю чехов, читающих „Чешс. слово“. — Мауцта, як се мате, — обращаюсь к ним, — стискасе вам по власти? — выказываю свое „знание“ чешского языка. Они удивлены, что какой-то „шинуа“ знает чешский язык, а затем выражают такую радость, как будто встретили своих земляков. Начинаем болтать о разных пустяках. Рядом с нами идет „политический разговор“.

— Читали, Петр Семенович, об австро-германском аншлусе? Вот здорово! Все „сильные мира сего“ на всех конференциях международных безустали кричали о мире всего мира, о „духе Локарно“, а тут немцы так просто и тихонько подложили „мину“ под красивое здание Всеобщего Мира. Это я понимаю, это дело, а не красивые только слова...

— Так это же только экономическое соглашение двух родственных народов, двух соседних государств, экономические интересы коих требуют этого...

— Сказки! Это военное соглашение, крепкий союз, слияние. Это — реальная угроза миру, это первый шаг на пути к реваншу. Если бы дело обстояло иначе, то той „кутерьмы“ в политическом мире, о которой пишут все газеты, не происходило бы. Смотрите, как всполошились чехи, поляки, сербы... А за ними Франция. Смотрите, какая „игра“ происходит между „великими державами“: правительство „дружественной“ Франции — Англии любезно приглашает к себе в гости министров „враждебной“ ей Германии, завариших эту малос'едобную „кашу“, а „глашатай мира“, Бриан, остается как бы в стороне... Нет, брат, здесь происходит нечто, от чего может запахнуть гарью. Происходит большая „игра“, где ставкой является благополучие народов, государств. Кто кого „об'егорит“? Во всяком случае Бриан не из таких, кого можно так легко „об'егорить“...

— Так ты говоришь, что будет война?

— Не я говорю, а происходящие события об этом кричат! Ты обрати внимание: не так давно вся мировая печать торжественно сообщила о достигнутом морском соглашении между Францией и Италией. Если это соответствовало действительности, то оно явилось бы большим событием. Для этого то даже министры гордой Великобритании приезжали уговаривать французов и итальянцев... Но что же оказалось? По крайней мере оказалось, что радость была немного преждевременной, ибо никакого соглашения пока еще нет. И те и другие уперлись на своем...

— Что же, нам не привыкать к войне. Да пожалуй без всеобщей войны нам и Родины то своей и не ви-

дать! И лучше, если это „неизбежное“ случится скорее и выяснится положение. Может быть приблизится день, когда мы снова обретем Родину.

— Думаешь?!..

На одной из скамеек на площади сидят три казака. Ведут обычный разговор о приеме на работу, обмениваются местными „новостями“.

— Вот несчастный народ! — вдруг неожиданно выпаливает один из них, державший в руках газету.

— Какой народ? — удивляются собеседники.

— Да индусский! Ты подумай только — сколько время этот самый Ганди „пассивно сопротивлялся“ и, наконец, уже было достиг своей цели, добился предварительного признания, заключил соглашение с вице-королем Индии. Надо было уже ехать на конференцию „круглого стола“, где Индия должна была получить окончательное признание своих национальных прав. Для этого, для еще большей авторитетности Ганди должен был располагать полномочием всего индусского народа. Индусский конгресс это полномочие ему дал. Но нужно было получить еще такое же полномочие от мусульманской части населения. Но тут как раз „кстати“ для англичан случился мусульманский погром: убитых тысяча, раненых еще больше. Мусульмане благим матом завопили и, вместо наделения Ганди полномочием, заявили, что они предпочитают английское владычество самостоятельной Индии под водительством индусов... Наверно, этот мусульманский погром случился не без некоторого „попустительства“ англичан...

— Чего ты разглагольствуешь об индусах, на кой чорт они нам нужны! Лучше говори о делах, близких и понятных нам. Что нового в казачьем мире?

— Да ничего! Что может быть нового? Говорят, в мае состоится в Париже „Донской Бал“...

— Кто же его устраивает?

— Кажется Мельников и „18 донских организаций“, состоящих при нем...

— Странно! Донские организации устраивают в Париже бал, а единственная в Париже донская организация — Донская станица — в нем не участвует. Ну и дела же, нечего сказать... Неужели, кроме балов и „танцев до утра“, ничего приличного не могут придумать донские вожди? Поем и танцуем...

— Что нового в казачьем „политическом мире“? Читал ли журнал „ВК“, где группа казаков пробирает Мельникова за ложь?

— Конечно, читал. Поневоле будешь читать журнал самостийников, когда нет ни одного другого более или менее серьезного казачьего журнала. Написан этот „протест“ горячо, хлестко, рассчитан он на горячее, буйное сердце казака, но для серьезного читателя малоубедителен... Получается как то странно. Я — не самостийник, но приходится признать: бодрость, живой дух, пламенная вера в казачье будущее, свежая казачья струя, живое казачье слово, новые материалы для познания казачьей души имеются у самостийников. Во всех других, не самостийных, журналах — кроме бесконечно-нудной старой жвачки, ничего нет, нет ни одной живой мысли... Вот почему я, хотя и не самостийник, но с удовольствием читаю „ВК“. Конечно, там много такого, что меня сильно коробит но там больше такого, что доставляет удовлетворение моему казачьему сердцу...

— А не кажется ли тебе еще более странным, что все вновь выходящие казачьи журналы проповедуют самостийность? Недавно в Париже вышел журнал „КД“ — сплошная самостийность. На днях на одном казачьем собрании распространялся журнал „КС“. Это — орган Общеказачьей Станицы окончивших ВУЗ и студентов в ЧСР. Раньше он был федералистического толка. Развернул теперь новый номер и ахнул: там самостийность развита такая, что дай Бог состязаться и „ВК“, а злополучному Мельникову достается во как!

— Об'ясняется это, очевидно, тем, что только став на самостийную казачью позицию можно уловить „биение пульса казачьей жизни“, обрести подлинные казачьи слова... Но разум мой не позволяет становиться на этот путь...

— Как ты смотришь на теорию самостийников об особом происхождении казаков. Ведь по их писанию получается довольно стройная система о племенном происхождении казаков, соответствующая исторической действительности, логически вытекающая из тех исторических событий, какие происходили на территории Казачьих Земель.

— Утверждать или опровергать это трудно. Для этого нужно быть об'ективным ученым исследователем. Несомненно, что русская оффициальная история исказила лик казака, но также много „темных пятен“ и в системе вольных казаков. Само собою разумеется — казаки чем то сильно отличаются от русских. Конечно, казаки являются продуктом смешения крови различных народов, но там, по моему, больше крови русской. Но я твердо знаю одно: чтобы вольные казаки не делали, какие бы несомненно исторические доказательства не привели бы, все равно они не докажут ни одному русскому человеку, что казаки — особый народ. Пусть сам апостол Павел придет и скажет русским, что казаки особый народ, — не поверят! Единодушно будут кричать: распни его! Вот почему я не могу стать на их позицию. Прольется казачья кровь. Россия, какая бы она не была, не согласится на отделение Казачества. Она пойдет на него войной...

— А если большевики успеют, не то что пролить немножко казачьей крови, но и совсем физически уничтожить казаков?

— Что делать? Мы сейчас не можем помочь этому. Не дай Бог, но если случится такой конец Казачества, то видимо, судьба его такая. Но тогда у меня будет по крайней мере совесть чиста, что я не повинен в таком страшном „конце“...

— Слабое утешение! И еще более слабая чистота совести! Вот как раз не будет совесть чистой у тех, кто, видя трагическое положение Казачества, палец о палец не ударит для спасения его... Какими то путями, средствами нужно бороться за спасение Каз-ва, за его свободу, вольность... А свобода даром не дается. Раньше казачья кровь обильно лилась за все, только не за казачью свободу. Если теперь она прольется, то прольется она за казачью свободу, но ни за что другое! Читал ли ты вчера статью Вас. Немировича-Данченко—красивую поэму, воспевающую волю, решимость, свободу... Там есть слова: ... „Свобода покупается кровью, — и сколько бы ни пролилось ее, — все равно, — заплачено дешево“...

Шамба Балинов.

Поздравления редакции „В. К.“ с праздником Св. Пасхи*).

Скоплянская Общеказачья станица поздравляет с праздником святой Пасхи редакцию журнала „В. К.“ и его сотрудников, поднявших на завидную высоту знамя борьбы с тиранами оккупантами нашей родины Казакии; поздравляет всех братьев вольных казаков в эмиграции, сохранивших свое национальное лицо и мысль, несмотря на чрезвычайно тяжелое экономическое положение и на происки и уловки врагов и ловко расставленные сети (их — врагов — союзниками) „своими“ неделимцами; братьев казаков на родине, придушенных лаптем оккупанта, братьев казаков, заключенных в тюрьмы, сосланных в разные места России и Сибири на принудительные работы за выявление национально-казачьей мысли и сопротивление победителю; гордых сынов Вольного Казачества, ушедших от власти чужака в горы, леса и плавни — ковать лучшую долю Казачества, ценой крови и жизни отстаивать свое нацио-

*) Из за недостатка места, ред. не имеет возможности поместить всех полученных ею к дню Св. Хр. Воскресения приветствий. Надеемся, что приславшие сетовать за это на нас не будут.

нальное — Я, своими силами и храбростью создать Казакию — или честно умереть за Родину.

Братья казаки! Знайте, что все наши помыслы с вами, страдаем за нашу истерзанную родину. Братьев казаков, заблудившихся и подкупленных приманками и обещаниями „вождей“ чужого толка, просим заглянуть в самих себя, переговорить со своей совестью, посмотреть на нашу истерзанную Родину глазами наших предков и, пробудив спавшее до сих пор национальное чувство, спаяться с нами и рука об руку жертвенно работать для спасения нашей общей Родины — Казакии.

Заблудившейся казачьей старшине, запутавшейся или запутанной в сети неделимцев — в эти дни, дни наибольшей душевной скорби казака, мысленно переносящегося к родным на Родину, с Родины — к родным и Вольному Казачеству в эмиграцию — следовало бы также поговорить со своей совестью и восстановить в памяти образы Атаманов-молодцев, отдавших свою жизнь за казачью вольницу, гордо и смело шедших на казнь за идею, за свободу своего народа и, осознав свои вольные и невольные грехи, пойти в ногу со своим народом, проявить максимум мудрости и жертвенности в борьбе за лучшее будущее своего народа, за лучшую долю искони славного Казачества и тем искупить свои прежние ошибки.

Письма с родины свидетельствует, что еще не уничтоженная победителями часть Казачества живет одной думкой: освободиться от оккупантов и создать Казакию с вольницей и традициями стародревними.

Поздравляя всех с праздником, желаем полного успеха в деле создания Казакии, желаем сил, энергии и мудрости всем верным сынам Казачества, работающим на благо своей Родины.

Атаман Скоплянской Общеказ. станицы **Я. Ковган.**
Старший помощн. ес. Яицкого Войска **М. Портнов.**
8 апреля 1931 года. Скопье.

Глубокоуважаемый редактор! От лица группы вольных казаков в Бухаресте поздравляю вас и весь персонал редакции с праздником Пасхи Христовой. Дай Вам Бог здоровья и силы для дальнейшей борьбы за казачью идею.

Христос Воскрес! Верим, что воскреснет и наша казачья родина —Единая Казакия.

Старший группы **Сергей Маргушин.**
1931-13-IV. Бухарест.

Сердечно вітаємо з Великодними Святами та просимо приняти наші найліпші побажання. Христос Воскрес!

За відділ Громади **Микола Мельничук**, голова.
Секретарь **Третевич С.**
Українська Громада в Вел. Бечкереке.
9-IV-1931.

Казаки Марсельской общеказачьей станицы сердечно поздравляют Вас, редактируемый Вами наш родной журнал „В. К.“, всех сотрудников и вольных казаков, рассеянных по всему свету, и оставшихся в родных краях — с праздником Воскресения Христова. Христос Воскрес!

Под'есаул **С. Шепель.**
Атаман общеказачьей Марсельской станицы.
7 апреля 1931 года.

Казаки Кубанской станицы в Великом-Бечкереке шлют Вам и всем сотрудникам сьое казачье поздравление с Великим Праздником Пасхи. Христос Воскрес! Да пошлет Господь Вольному Казачеству следующий праздник встретить у своих очагов на Вольной и дорогой матери Кубани. Да здравствует Вольное Казачество.

Атаман Кубанской станицы в В. Бечкереке
Корнилий Поливода.
9 апреля 1931 года.

Многоуважаемый Г-н Редактор!

Поздравляем Вас, всю редакцию и всех вольных казаков с праздником святой Пасхи и желаем вам наибольшего успеха в намеченной цели. Дай Бог следующую Пасху встретить не здесь, на чужбине, а там, в свободной Казакии, в кругу родных и близких.

Гр. Фед. Колбасин (кубанец), **Як. Пл. Копылов** (донец), **Сав. Ив. Киреев** (донец), **Козьма Шабанов** (терец).

Греция.

Смедеровская казачья станица сердечно поздравляет „Вольное Казачество“ с праздником Светлого Христова Воскресения и желает дальнейшего процветания журнала и скорого Воскресения Казачества. Христос Воскресе!

Атаман Смедеровской казачьей станицы **Гниловуб.**
12 апреля 1931 года. Смедерево.

Христос Воскресе!

Казаки и я поздравляем Вас и всех Ваших сотрудников с праздником святой Пасхи. Сердечно желаем встретить и провести его в добром здоровьи, а следующий всем вместе на родной и вольной Кубани.

Искр. ув. Вас **П. Недбаевский.**
Атаман Кубанской стан. имени Кошевого
Атамана Чепиги в Новом-Саде.
12 апреля 1931 года.

М. Г., г. Редактор!

Поздравляю я и все вольные казаки, проживающие в Долово, Вас и весь редакционный персонал с высокоторжественным праздником святой Пасхи.

От души желаем Вам счастья, здоровья и успеха в начатом Вами деле. Дай Бог, чтобы эта Пасха была последней на чужбине, а будущую встречать всем вольным казакмм на своей дорогой и многолюбимой родине Казакии.

Христос Воскрес!
Воскреснет и наша мать Казакия!

Виктор Галганов.
С. Долово. 9-4-31 г.

Редакция „В. К.“ сердечно благодарит всех тех, кто поздравил ее с праздником Св. Пасхи. Всем, кто вспомнил нас в эти дни, посылаем казачье

Воистину Воскресе!

Казачья эмиграция.

Обрывки казачьих разговоров на Пражском Сельхозном сборе.

На выборы уполномоченных Пражского района явилось на этот раз 97 человек. Собравшиеся делились на три группы: 1) Партия „правительственная“, которая поддерживала старое правление, 2) монархисты, которые решили продемонстрировать свои силы и показать, что они сильны, если идут на группу старых „вождей“, с которыми не раз и не одна группа безуспешно боролась много лет и 3) нейтральные, пришедшие „просто так“.

Внешний вид этого сбора несколько отличается от прошлогодних. Видны лица и одежды простых рабочих казаков, шоферов, ночных сторожей, и мало студентов. До начала выборов по рукам ходили два списка первых двух указанных групп, при чем монархисты приложили к своему списку и многообещающий агитационный листок.

Словно полководец на поле сражения, обходя ряды и давая последние указания, ходит между казаками младоросс Чапчиков. С видом изнуренного работой человека, что-то взволнованно говорит одному из своих сторонников В. Т. Васильев. В зале дым коромыслом и неумолкаемый гул разговоров.

— Гля!... и ты, штоль?... Ну, як се маш?...

— Да пришел повидатца хоть раз за год с казаками, да потолковать, а союз меня не интересует, все равно ничего не сделают, старых отсюда не выбьешь, пусть уж доедают.

— Нет!... надо бороться до конца (раздается „крепкое" слово по адресу старого правления), новых надо поставить.,. Слышу в одном углу.

Прохожу дальше. Я сегодня только наблюдатель.

— Нет, ты пойми такое дело: если я — говорю — подлец, не угоден казачьему большинству, то я и ухожу, но — говорю ему — Василь Тимофеич, и тебя казаки не любят, они не хотят, чтобы ты был у их дела, уходи пожалуйста и мы тебя оставим в покое; нет! не уходит, сидит, дрожит над этими последними копейками, как будто бедный, ведь нажился же — взволнованно крутя стоящему перед ним казаку пуговицу кожанки говорит в одном месте высокий, статный казак в волосатом зеленом пальто.

— Ну, дорогой, кто же виноват, что они сидят, ведь казаки же за него дают голоса, вон тот, что сидит там, разве же не казак, ведь он же подаст голос за Васильева, мы сами, казаки, виноваты, не понимаем своих интересов; одному, другому подаст пятак или по головке погладит, а он идет и кладет шар против своего интереса, сами мы виноваты — отвечает тот.

— Ну, скажи ты мне, что сделал союз для нуждающихся казаков? Ничего!... вот умер казак, похоронить его не на что, пришли в союз — нам дулю дают, пришлось собирать с носа по грошу и хоронить, а союз в это время предвыборный банкет задает на сотни крон! Что это такое, им нужно людей собрать, чтобы голоса за них дали, а тут на похороны казака не могут дать сто крон. Эх!... (опять слышу выразительные слова).

Вот довольно большая группа казаков оживленно что-то обсуждает. Подхожу и слышу: ты мусиш это уделать, але просим... Это говорят про свои дела.

— Эх! хорошая, большая была организация, да теперь только наши вожди в низость ее привели, а сколько денег-то ухлопали! — говорит пожилой казак, с длинными черными усами, одному маленькому в черном пальто и серой кепке.

— Ничего, это может последний сбор, союз кончается — отвечает тот — если не нам, казакам, так хоть и не им.

— Да, ты глянь, чорта с два у них возьмешь, когда прут сам-четыре, сам-три, а мы люди одинокие, смотри какая у них мобилизация!

Входит бледный, заметно постаревший, бывший Командарм В. И. Сидорин с супругой и сыном. За ним идет с болезненным видом уже сгорбившийся старик В. А. Харламов с супругой, сыном и дочерью.

— Ризервы подтягивают, — слышится острота.

— Это еще ничего, вот Бадьмы нет, вот тот подтягивал, так подтягивал, да калмыков теперь почти нет тут, вон четверо сидят и, кажется, все за Чапчикова — слышится резкий крикливый голос человека в черных очках.

— Нет, вон и у правительства есть два калмыка, запаслись! — отвечает ему один из казаков.

— Да, того толстого я что то никогда не видел.

— Это калмык-астраханец.

— Эге, это редкость, надо за него шара положить.

Наконец приступают к делу. Зал затихает. В председатели собрания баллотируются Чапчиков и Кокалевский. Выбранным оказался Кокалевский (57:51).

С мест раздаются протестующие голоса:

— Как же это так?!... Было людей всего 97, а голоса за обоих поданы 107. Это счетчики набавили!...

— Переголосовать! Переголосовать!...

— Выборы произведены! Подсчет совершенно правилен! надрываясь кричит Васильев. Наконец, публика мирится. Продолжаются выборы других лиц президиума.

— А кто такой Ремелев, такого что-то не слыхал, где он, посмотреть бы на него, — слышу голос возле себя.

— Да это калмык, — отвечает ему рядом сидящий.

— Ну, калмык, так надо поднять руку.

Избранный президиум приступает к выборам. Подходят и еще запоздавшие казаки.

— Э! и вольное казачество здесь, здоров! слышу голос. Невольно смотрю в ту сторону и вижу группу незнакомых, простых казаков.

— Что, вольные, выступаете своим списком?... спрашивает подошедший.

— Нет, мы этим дохлым делом не интересуемся, пришли поболтать с казаками отвечает ему один из группы.

Наконец, записки поданы; многие начинают расходиться, но не мало остаются еще — узнать результаты выборов и поговорить.

Между казаками, переходя от группы к группе, ходит маленький, юркий человечек с блинообразным лицом — член старого правления. В одном месте перед двумя старыми казаками вкрадчивым голосом он начинает доказывать.

— Поймите, мы все члены правления работаем бесплатно, никто из нас жалованья не получает; ну, посудите, что можно получать из 5.000 крон? Отдашь за квартиру, секретарю 700 (он же у нас и машинист и все), заплатишь сторожу, да кое-кому поможешь, вот и все, а мы, члены правления, работаем вам даром и вы недовольны. Ведь Василий Тимофеич только 75 крон получает на трамвай да Владимир Ильич на трамвай.

— Да, чиво там, они по 2.000 стипендии получают от чехов, да еще отсюда бы получали, такая лавочка прошла, у чехов самих кризис, столько они не дадут, — отвечает ему казак.

Им и этих трамвайных не стоит давать, да и сторож им совсем не нужен, делов никаких, они двух человек держат на жалованьи, один бы Бачка и справлялся со всем, — слышится разговор между этими стариками, после ухода члена правления.

Подсчет голосов показывает, что победа осталась за „правительственной" партией.

Ну, удержались на этот раз, погодите, подсидим мы вас, — слышится бурчание казака уже на лестнице.

— Да уже другой раз не придется выбирать, они сами умрут, чехи на тот рок (год) не дадут им денег, дак враз они разбежатся, — отвечает ему другой.

— Ты скажи мне, — обращается ко мне один незнакомый казак, — и что этот союз делает?

— Существует, — отвечаю ему.

— Существует?! Дык какая же это заслуга?!

Свой.

Рост Вольного Казачества в Лионе.

Изменники, предатели, продажные души, вероотступники и т. п. эпитеты пущены были г. Мельниковым во время его доклада в г. Лионе — „О положении казачества", если память не изменяет, имевшего место 7 июня 1930 г. (помещение Донской станицы) и фактически сведшегося к яростным выпадам и грубым жестам в сторону Вольного Казачества.

До приезда указываемого „троглодита", никто из 1000 казаков, обосновавшихся в Лионе, не знал и не ведал о том, что это за Вольное Казачество. Но вот, слава Богу, Провидение осенило „Парижских водителей" и они решили облагодетельствовать Лионских казаков, во исполнение чего, сначала в Лионе побывал с информационной целью полк. Короченцев (член прав. Казачьего Союза), а затем и сам г. Мельников, который от имени Казачьего Союза открыл в Лионе продуктовую лавочку, а вместе с этим и представительство Казачьего Союза.

Ну, и пошла писать губерния. Одни пытались „ловить рыбку в мутной водичке", другие т. с. руководить настроениями Лионского казачества. С одной стороны от местных казаков требовалось, чтобы они покупали в оной продуктовой лавочке по высоким ценам гастрономические товары (за малым исключением целиком советского производства), с другой, зачитав на страницах „Родимого Края" и обязательно в статье Н. М. Мельникова о „выпаде" журн. „В. К." против какой либо высокопоставленной казачьей особы, вроде самого Мельникова, выносить резолюции порицания Вольному Казачеству, обязательно проводя таковые через местные станичные и хуторские сборы.

Так казачий Лион считался в сфере влияния г. г. Мельниковых, Марковых, был у них на особом счету, как вполне благонадежный, да и местный представитель Казачьего Союза заверял их неоднократно об этом. Все шло по хорошему, да вот только закралось в души Лионских казаков сомнение в правдивости яростной, злой и неумной ругни г. Мельникова на страницах „Родимого Края" по адресу Вольного Казачества!... Кто они такие, Вольные Казаки, что это за Вольное Казачество, да и почему Вольное, а не какое либо иное, почему оно против г. г. Богаевских и Мельниковых? Запросы и сомнения эти мучили душу Лионского казачества и притом весьма продолжительное время...

Но вот, неизвестно какими путями, а в Лион попал таки один номер журнала „Вольное Казачество", издающегося в Праге. Приятный для глаза вид обложки, несовсем обычный для емигрантщины, казак скачет на коне и в руке держит флаг, эмблему Вольного Казачества, да и содержание тоже несовсем обычное, — тут и поэзия, и литература, и история, и политика. Пошел этот номер по рукам и сделал свое дело, загорелось казачье сердце, защемило болью и впервые многие из Лионских казаков усумнились в правдивости пути, по которому их пытались вести „Парижские водители". И... спустя месяц, два после доклада Мельникова, очень многие из казаков стали выписывать журн. „Вольное Казачество". Стали раздаваться отдельные смелые голоса „Да здравствует Вольное Казачество". И здесь начала расти идея Казакии — независимого самостоятельного Казачьего Государства и лед враждебности, царивший в среде Лионского казачества благодаря кривде г. Мельникова, стал быстро таять. В Лионе появились Вольные Казаки из рядов местных старожилов казаков и стали судить да рядить.

Заволновался казачий Лион, ударил гром средь ясного дня, стали сильно ширяться ряды Вольного Казачества, стала получаться и литература, отдушина открылась...

„Родимый Край" и „Кавказский Казак" — вот те журналы, которые казачьему Лиону подносил все время г. Мельников, а тут на тебе, появились и никогда невиданные казаками журналы, как то: и „Вольное Казачество", и „Казачий Сполох", и „Ковыльные Волны", и „Казачье Дело".

13 января с. г. состоялись похороны полк. В. В. Короченцова умершего в Лионе, на коих присутствовал и прибывший из Парижа Н. М. Мельников. В разговорах с Лионскими казаками, он (Мельников) настойчиво везде и всюду оговаривал, что журн. „Вольное Казачество" нисходит на нет, уже и ген. Старикова нет, и д-р Федоров (Лантух) ушел и пишет теперь в „Родимом Крае" и кубанцев там (в „Вольном Казачестве") больше, чем донцов и что ген. И. Ф. Быкадоров тоже ушел из „Вольного Казачества" и т. д. Лионские казаки слушали да почесывали себе затылок, глубокозначительно констатируя „неоспоримый факт", что журнал „В. К." нисходит на нет... А тут еще таинственно „по секрету" начали передавать, что, мол, „сам Мельников сказал", что раскаявшийся ген. И. Ф. Быкадоров пишет и скоро выпускает в свет II-ой том своей „Истории Казачества" в каковом он напишет и выведет в обратном свете все то, что он написал в I-ом томе.

Уехал Мельников в Париж, разразился угрозами в адрес „Вольного Казачества" и местный „зубр" г. Кушнарев...

И вот тишина, гладь да Божья благодать в Лионе. Бах! и Лион стоит перед неоспоримым доказательством: „фиаско" Вольного Казачества „на лицо", но... только если судить об этом по словам Мельникова, т. к. в действительности имеет место нечто обратное. „Родимый Край", как был захудалым журнальчиком, таковым в одиночестве и остался, а вот ряды самостийных казачьих журналов пополнились и притом довольно изрядно. Выходило одно „Вольное Казачество" в Праге, а теперь к нему присоединился и „Казачий Сполох", и „Ковыльные Волны".

К этому надо прибавить и журн. „Казачье Дело", выходящий в Париже и являющийся органом казачьей политической группировки „Лиги Возрождения Казачества".

Чешет теперь себе затылок г. Мельников в Париже, ругается с пеной у рта г. Кушнарев в Лионе, а ряды Вольных Казаков все ширятся и ширятся, увеличиваясь с каждым днем здесь у нас в Лионе.

Да, поняли теперь казаки, к чему их звал г. Мельников на своем докладе в Лионе 7 июня 1930 г., уразумели все, обтяпали в мозгах по своему, да и рассудили, как и что „может быть" по правильному, по казачьему...

Н. Д-ков.

Казачья джигитовка в Лионе.

С большим моральным и материальным успехом выступала в Лионе группа казаков-джигитов полк. Ященкова, которая и провела блестяще джигитовку на стадионе в субботу 4 апр., воскресенье 5 апр., и понедельник 6 апр. Несмотря на солидную рекламу и сравнительную известность джигитов полк. Ященкова в Лионе (по предыдущим успехам), первый день джигитовки прошел при малом числе публики, зато посещаемость в остальные дни превзошла все ожидания.

Не обошлось и без несчастий: в третий день (понедельник) конь одного из джигитов, чего-то испугавшись, бросился к барьеру и ударил одного из зрителей настолько сильно, что он должен был быть отвезенным в больницу.

Касаясь технической стороны джигитовки, можно вполне резонно отметить, что группа состоит из подобранных джигитов (донцов, кубанцев), из коих несомненно самый лучший — калмык.

А. Ш.

Общеказачья об'единенная станица в Лионе.

22 марта с. г. состоялся станичный сбор, на котором обсуждался вопрос об утверждении расходов, произведенных правлением за истекший триместер, а равно и вопрос о встрече Пасхи (станичные розговены). Как тот, так и другой вопросы разрешены станичным сбором в положительном смысле. Размер денежного взноса определен цифрой 25 фр. с человека, дамы бесплатно.

Еще раз отрадно отметить деловитость и дисциплинированность станичников во время сбора, а равно и умение правления, проявляющего исключительную гибкость и эластичность при разрешении казалось бы порой трудных и скользких вопросов.

А. П.

Кубанский хутор в Лионе.

В воскресенье 15 марта состоялся хуторской сбор, созванный для выборов нового Хуторского атамана, взамен есаула Еремина, выехавшего из Лиона.

Остается много и много пожалеть о том, что есаул Еремин покинул ряды казачьей общественности и отошел в сторону, занявшись сельским хозяйством (купил ферму). Проработав столько лет на казачьей ниве, ес. Еремин — истый казак, сумел вложить такой-же дух и в шедших с ним рука об руку казаков. И теперь, когда заря казачьего освободительного движения разгорается везде и повсюду все ярче и ярче, нужно было-бы, чтобы все казаки, братья по духу и крови, собирались до купи и творили великое дело освобождения Казачества из под ига незванных пришельцев с севера, в этот момент

особенно сильно сказывается отсутствие таких людей, как ес. Еремин.

Новым Хуторским атаманом избран войск. ст. Дубров.

П. К-а.

В Подебрадах.

Украинскую Академию 28 марта окончил с титулом инженера-экономиста б. Атаман Таманского отдела полк. К. Т. Бережный.

Письмо в редакцию.

М. Г., г-н редактор, прошу поместить на страницах журнала „В. К.“ следующее мое письмо:

Глубокоуважаемый Яков Иванович!

3 апреля с. г. Вы на далекой от Родины чужбине, празднуете свой шестидесятилетний юбилей.

Живя на Д. Востоке, припоминаю наше совместное с Вами стремление спасать Казачество, стремление спасать Казачьи Вольности от неразумной и бахвальной керенщины — первой ступени коммунизма.

Благодаря Вашей и ген. П. И. Кокунько энергии был организован в Ейском отделе „Казачий Союз“ (ст. Уманская).

Вооруженная борьба с коммунизмом, борьба с черной реакцией Деникинщины, эвакуация с Кубани, Новороссийский порт и „Дооб“. Ваше путешествие (нелегальное) на Кубань и возвращение в Крым. Ваш рассказ за чашкой чая... Все это точки нашего с Вами соприкосновения. Потом эмиграция, чужбина, скитания Ваши по Европе, а мои по СССР, Сибири, Д. Восток и Китай. Связь утрачена и только журнал „В. К.“ № 77 принес весть о Вашем местопребывании.

В день Вашего славного Юбилея, с Дальнего Востока несу Вам, дорогой станичник Я. И., искренний от души и сердца привет и поздравление и желаю Вам: здоровья, счастья, сил и мужества работать не покладая рук на благо и воссоздание Вольного, Великого Казачества!

Искренне преданный Вам казак

3. IV. 1931 г. Харбин.

П. Ковган.

В Казакии.

Письмо оттуда.

Послано 16 марта сего года из ст. Б.

Дорогой братец, благодарю тебя, что ты не забываешь нас в порабощенной стране коммунизмом... Ты просишь адрес Б. Никак невозможно даже и просить: пусть не обидится и рады бы написать, да что же, живут они на птичьих правах, не имея никаких документов да еще вблизи П. границы, как бы письма эти не повредили ему. Вместо переписки он посылает тебе незабываемый привет... Да, я читаю твои письма и нахожу тебя правым, что ты переборол все чувства к родине и не отдал себя в руки ГПУ, которая могла бы тебя посадить в клетку и был бы их постоянным рабом, например: Сотник... сидит в тюрьме, и не в тюрьме, а в амбаре, тюрем не хватает в станице У... Там сейчас сидит народу не перечесть; все подвалы заняли и амбары. С. С. сейчас больной, в амбаре холодно, на раны всю побило, мучают и не выпускают, кормят плохо, кто что передаст не принимают. Аресты и обыски ежедневно, забирают народ, кого садят, кто бежит неизвестно куда, выселяют и к нам везут с других краев, просто мы не надеемся всего этого пережить. Что у нас есть, все забирают.

В милицию вызывают и начинают брать за груди — скидай одежу с себя — мы вас, казачьих гадов, решим. Ловят на улицах — скидай одежу, а если не скинешь, то силой сволокут. И настолько уже разыгралась анархия, что мы не в силах справиться. Хлеб весь забрали, народ голодает, босые и голые. А судят ежедневно и судья у нас находится, а если отсутствует судья, то предоставляется колхозу судить нас, который выбирает самых заядлых и тогда они судят нас, как хотят. А социальные порядки окончательно изуродованы. Постройки поразломали, заборы ломают и жгут, все, все решают. Лошади дохнут — кормить нечем, коров, овец, свиней тоже позабрали, говорят — будем мы плодить. Да, видел я, как они разводят худобу, в особенности в кипучем городке Новороссийске — 15 грузовых иностранных параходов забирают — разводят коров, свиней, овец да так разводят, что не успевают платить за простой...

Налоги нас замучили: налог два раза плати, страховку два раза плати, самообложение, семенной фонд, декретный фонд, неприкосновенный фонд; те идут — жертвуй на красную армию, другие идут — жертвуй на постройку дирижаблей на оборону СССР., другие идут — жертвуй на постройку аэропланов, давай задатки на тракторы, другие приходят — подписывайся на газету, а там несут заем 5-тилетки за 4 года, те идут — бери книжку, должен быть членом кооператива, а если кому отказал, то беда — не хочешь поддерживать Советское государство, а дожидаешься белых. Да этого никто и не отрицает, если бы Господь послал, то может быть избавились бы от врагов...

Пиши какие города... какая обстановка, как живут люди, а то нам Советская пресса глаголит, что там люди голодают, крестьяне и рабочие тысячами расстреливаются ежедневно. Вот видим когда, что свобода эта любит рабство. Всех разогнали, в тюрьмы посажали и на Урал поссылали тех, которые с первых дней стреляли на вас и сукиными сынами называли вас, а теперь молят Бога, чтобы видеть вас, как например: К... (маслобойщик), Л... (красн. офицер), Я... Да в общем всех хохлов разорили, те в тюрьмах сидят, те на Урале и холод переносят и голод.

До встречи, твой Х.

Большевики о станице.

Для характеристики большевицкого творчества о казачьей станице, помещаем ниже рецензию некоего тов. Л. Доброумова о книге другого тов. В. Ставского „Разбег“, помещенную в Краснодарском „К. З.“ 4 сего апреля. Вот она:

Огромный, — и вполне заслуженный, — успех выпал книге В. Ставского — „Станица“. Это была первая часть большой, задуманной автором, эпопеи кубанской казачьей станицы, перестраивающейся на новый социалистический лад. Вполне естественно, что вышедшая сейчас из печати вторая часть эпопеи — „Разбег“ — не может не вызвать к себе самого острого интереса.

„Разбег“ повествует о той же самой станице Вальяновской, о событиях лета и осени 1929 г. Разоблачение хитрейших маневров классового врага, разоблачение правого оппортунизма на практике, освобождение станичной парторганизации от негодных и чуждых элементов, новый прилив в партию, прилив в колхозы, вопрос о кадрах, — вот тематика „Разбега“.

Огромный творческий рост автора становится несомненным при сравнении „Станицы“ с „Разбегом Если „Станица“, при всех ее достоинствах, грешит чрезмерной фактографичностью и на ряду с некоторой цветистостью стиля (пейзаж), срывается иногда к сухому репортажу, то в „Разбеге“ Ставский показывает себя уже опытным, уверенным мастером. Рецидивы цветистости („из узких щелей ставень вонзаются, вспарывая тьму, кованые ножи огня“...) — единичны, и вся книга — яркий, впечатляющий художественный показ тех социальных сил, которые борются в перестраивающейся станице.

— Пролетарский писатель должен быть непосредственным активнейшим участником социалистической стройки.

Это бесспорное положение блестяще претворяется в жизнь Ставским. Если свою первую книгу он написал, как уполномоченный по хлебозаготовкам, то и „Разбег“ — результат повседневного активнейшего участия автора в проведении важнейших хозяйственно-политических кампаний в станице. Красной нитью проходит через всю книгу подлинно-большевицкое, подлинно-партийное отношение автора к тем сложнейшим классовым противоречиям, которые сплетены в причудливый клубок в станичной действительности.

Вооруженный острым оружием диалектико-материалистического метода, автор не боится полностью, до конца, вскрывать эти противоречия, не нуждается в лакировке действительности, не боится показать врага умным и сильным, не замазывает слабых мест партийно-советской работы в станице. Люди в „Разбеге“ не даны, как нечто застывшее. Они показаны в их развитии. Все эти Софьи Иовны Гринчихи, Портянкины, Сергеи Глинские, перестраивая жизнь, в процессе этой перестройки переделывают себя.

И в сложных перепитиях классовой борьбы, в запутанном клубке классовых противоречий, средствами мастерского художественного показа подчеркнута ярко и выпукло основная мысль:

— Побеждает генеральная линия партии.

— „Ще побачимо! Силы есть! Ще побачимо!“, — безумно твердит есаул Дзюба, организатор кулацких шаек.

Кулацкая группировка в Вальяновской вскрыта и разгромлена. Враг же еще не сложил оружия. Борьба еще продолжается.

Но вот „сзади, развернувшись на полнеба, полыхает зарево электрических огней станицы и закубанского кенафного совхоза“.

И в этой концовке „Разбега“, в этом победном зареве электроламп — опять же ярко подчеркнута, прохадящая через всю книгу, мысль:

— Побеждает генеральная линия партии.

„Разбег“ — крупный вклад в пролетарскую литературу наших дней. И если „Станица“ нашла себе путь к рабочему и крестьянскому читателю, если она, по меткому выражению одного из партработников, была „настольной книгой и руководством для многих работников станицы“, — то в еще большей степени завоюет читателя и будет ценнейшей „настольной книгой“ „Разбег“. Тайные пружины кулацких махинаций, тонкий анализ соотношения классовых сил, беспощадное вскрытие болезненных явлений и недочетов, — все это вооружает нас сейчас ценнейшим опытом, который необходим сейчас, когда мы завершаем сплошную коллективизацию и ликвидируем на ее основе кулачество, как класс. „Разбег“, посвященный событиям 1929 года — в полной мере злободневен и актуален сейчас, ибо в нем прекрасно показаны те основные социильные тенденции, которые ведут к полной победе социалогического пути развития деревни.

Сейчас В. Ставский работает над третьей книгой кубанской эпопеи. В ней — период ликвидации кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации, первая колхозная большевицкая весна, работа колхозов, Кубань колхозная...

Что делают оккупанты?

Ниже помещаем несколько „вырезок“ из Ростовского „Молота“ и Краснодарского „Кр. Знамени“ за апрель месяц.

„Тон“ большевицких газет все время „военный“. Все они делают, или обо всем пишут „по военному“. Обирают наши Земли и ведут себя там тоже „по военному“...

Ставропольцы на Кубани.

В Краснодарском „К. З.“ 15 апреля помещен „отчет“ о работе Ставропольцев на Кубани. Приводим его начало, как свидетельство о том, „как это делается“.

„Подводчикам, отвозившим на стопятый раз'езд выселеных кулаков, стансовет и партийная организация станицы Старо-Корсунской напомнили еще раз, когда те уже выехали за станицу:

— Смотрите же, не уезжайте сразу назад, высадивши этих. Оттуда вы привезете в станицу ставропольцев.

На следующий день длинной вереницей подвод покрылась главная улица. На подводах разное имущество и несколько людских голов,, прикрытых платком или островерхой, в большинстве белой, смушковой шапкой.

Бродившие по улицам и по делу, и от безделья люди говорили между собою о приезде на поселение ставропольцев.

Много шумели оставшиеся в станице родственники высланных кулаков, не хотели пускать во дворы бывших хозяев родственников, умышленно портили имущество, становились у ворот и калиток...“

„Кулачье не спит“.

В станице Пашковской станичные организации не провели антипасхальной кампании.

В станице никакой агитационно-массовой работы по раз'яснению сущности пасхи, как кулацкого праздника, по организации в этот день ударной работы по севу, по сбору семян и т. д. не проведено. Правда был устроен один антирелигиозный вечер, но непосредственно в участках, в гуще колхозных масс ни докладов, ни лекций не организовано.

Ячейка СВБ не воспользовалась антипасхальной кампанией для перестройки своей работы в соответствии с новыми задачами, для повышения своей активности и вовлечения в ряды СВБ кохозников и единоличников. Между тем, кулачье не дремлет, кулацкая пропаганда ведется во-всю. Так, в четвертом участке кулаки пустили слух о том, что „советское правительство всех колхозников, которые не будут праздновать „пасху“, а встретят ее ударной работой на полях, — примет в партию, заставит жечь иконы и бить попов“.

Что противопоставлено кулацкой агитации? Ничего.

Позорный прорыв должен быть смыт энергичной массово-раз'яснительной работой, организацией в пасхальные дни подлинно-ударной работы на колхозных полях. („К. З.“)

Розыски.

Казак-калмык Б. Митрогинов ищет своего племянника Санжу Нохашкиновича Куберлинова Кут. ст. Просит знакомых и станичников, знающих что-либо о Куберлинове сообщить по адресу: Mitryn. Iaszczow, poczta Milejow, pow. Lubelski. Pologne.

Хор. Тихон Андр. Валуйсков розыскивает своего бывшего начальника С. Пискунова (ст. Калитвенской). Сообщить по адресу: Roumanie, Bukurest VI, St. Sabinelor, № 53, Andrei.

Василия Арс. Долгошеева (ст. Костромской) розыскивает В. Орехов (V. Orechov, Lešetin V, č. 703, Zlin, Tchécoslovaquie) для передачи письма от родителей.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnic č. 289.